
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 31 ИЮЛЬ 1974

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 31 (2456)

27 ИЮЛЯ

«Отношения между нашими странами приобрели в полном смысле слова всеохватывающий характер. Это — широкое политическое сотрудничество по линии партий и государств. Это — теснейшее духовное общение советского и польского народов. Это — боевая дружба между Советской Армией и Войском Польским. Это — развернутая система экономического сотрудничества».

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. БРЕЖНЕВА на массовом митинге в Катовице.

Варшава, 22 июля 1974 года. Во время манифестации молодежи.

Телефото специальных корреспондентов ТАСС В. МУСАЭЛЬЯНА и В. СОБОЛЕВА.

ПОЛЬШЕ - 30 ЛЕТ

С искренним радушием, по-братски сердечно встретила 19 июля праздничная Варшава Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, прибывшего в Польскую Народную Республику по приглашению Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии, Государственного совета и Совета Министров ПНР для участия в торжествах, посвященных 30-летию возрождения Польши.

20 июля во Дворце спорта в Катовице состоялся массовый митинг польско-советской дружбы. Бурными аплодисментами, здравицами в честь польско-советской дружбы, в честь нерушимого единства польского и советского народов, в честь ПОРП и КПСС встретили собравшиеся появление в президиуме митинга товарищей Л. И. Брежнева, Э. Герека, П. Ярошевича, других польских руководителей.

21 июля в Колонном зале сейма состоялось торжественное вручение Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу высшей награды Польской Народной Республики — Большого Креста ордена Виртути милитари (воинской доблести).

Перед вручением ордена товарищ Л. И. Брежнев огласил приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Центральному Комитету ПОРП, Государственному совету и Совету Министров ПНР по случаю 30-летия Польской Народной Республики. Собравшиеся встретили это приветствие горячими аплодисментами.

В тот же день в Варшаве состоялось торжественное заседание сейма ПНР, посвященное 30-летию возрождения Польши.

С большой речью выступил Первый секретарь ЦК ПОРП товарищ Э. Герек. Единство и взаимодействие со странами социалистического содружества, подчеркнул он, умножает наши силы и во много раз расширяет перспективы. С этими

братскими странами нас объединяют общая судьба, единство идеалов и целей, к ним мы питаем горячую дружбу.

— Мы, советские коммунисты, весь советский народ,— отметил в своем выступлении на заседании сейма Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— испытываем огромное удовлетворение тем, что деятельным членом братской семьи, энергичным участником всех созидательных начинаний социалистического содружества является наша ближайшая соседка и добрый друг — народная Польша.

В ознаменование славного юбилея 22 июля в Варшаве состоялись военный парад и манифестация молодежи. Это была яркая демонстрация верности польского народа идеям марксизма-ленинизма, его решимости идти под руководством ПОРП к новым победам социалистического строительства, крепить братскую дружбу и сотрудничество с Советским Союзом.

Центральный Комитет ПОРП, Государственный совет и Совет Министров ПНР устроили прием по случаю 30-й годовщины Польской Народной Республики, который прошел в сердечной, дружеской обстановке.

В тот же день Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев отбыл из Варшавы в Москву.

Л. И. Брежнев и Э. Герек во время встречи на аэродроме.

Приветствие варшавян.

Торжественное заседание сейма Польской Народной Республики. Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

ТРИ ПРАЗДНИЧНЫХ ДНЯ

В Колонном зале сейма Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу была вручена высшая награда ПНР — Большой Крест ордена Виртути милитари (воинской доблести).

Шахтеры Домбровского угольного бассейна приветствуют Л. И. Брежнева.

Возложение венка к могиле Неизвестного солдата.

Жители города Семяновице-Сленске приветствуют Л. И. Брежнева и Э. Герека.

заместитель директора агентства «Интерпресс»

В братской семье социалистических стран стало уже доброй традицией, что большие события в жизни их народов отмечаются совместно. Так произошло и на этот раз, когда на празднование 30-летия народной Польши прибыл Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Выдающегося государственного деятеля в Польше встречали как старого знакомого и друга. Его визит стал очередной демонстрацией дружбы, объединяющей Польшу и Советский Союз. В ее укрепление и развитие немалый вклад внес именно Л. И. Брежнев, который в сердцах и умах поляков является символом советских людей, что принесли нашему народу свободу, помогали ему в трудные годы восстановления, поддерживали наше государство на международной арене, были вместе с нами в трудные минуты и вместе с нами радовались нашим успехам.

Была еще одна особая причина, благодаря которой этот визит приобрел особенно сердечный характер. В годы войны Леонид Ильич принимал участие в боях за освобождение польских земель от фашистских оккупантов. Его боевой путь шел через южные районы нашей страны. Высшая польская награда — Большой Крест ордена Виртути милитари (воинской доблести) — знак того, что польский народ никогда не забудет, что от физического истребления, запланированного и осуществлявшегося гитлеровскими оккупантами, нас спасли советские люди, среди которых был и Леонид Ильич Брежнев.

Визит Генерального секретаря ЦК КПСС в Катовицкое воеводство, которое является промышленным сердцем Польши, стал подлинной демонстрацией пролетарского интернационализма. Именно здесь на заключительном этапе войны проводила свои операции армия, в рядах которой был наш высокий советский гость. Благодарные жители этой земли выразили свои чувства, присвоив ему звание почетного гражданина Катовицкого воеводства и звание почетного шахтера народной Польши.

Нигде так отчетливо, как в Катовицком воеводстве, не видны значение и вес для Польши сотрудничества с Советским Союзом. Именно здесь воздвигается с помощью советских специалистов, на основе советских поставок новый гигант польской металлургии комбинат «Катовице».

Широкое сотрудничество и взаимодействие наших стран являются в настоящее время важным элементом, определяющим ситуацию в Европе. Польша вносила и вносит — в соответствии со своими возможностями — свой вклад в укрепление содружества социалистических стран, которое является самой надежной гарантией мирного развития нашего континента. Большие успехи, с которыми польский народ пришел к 30-летию своего государства — а это достижения во всех областях жизни,— мы рассматриваем как наш вклад в общее дело, в строительство коммунизма и социализма, как наше конкретное содействие борьбе за мир.

Выступая на торжественном заседании сейма и говоря о значении содружества социалистических стран для нашей страны, товарищ Эдвард Герек с особой силой подчеркнул: «Основная предпосылка, определяющая место нашей страны в мире,— классовый и общенародный союз с Советским Союзом. Он служит прочной и надежной гарантией всех жизненных интересов Польши, позволяет ей играть важную роль в обеспечении международной безопасности и мира, повышает ее авторитет. Мы можем гордиться этим союзом, интернациональными узами, объединяющими нас с великой Советской державой, которая положила начало эре социализма в современной истории человечества и первой прокладывает путь к новому».

Польская общественность с огромным вниманием воспринимала высказывания товарища Л. И. Брежнева относительно современного этапа международных отношений, хорошо зная, что эти слова произнесены главой Советской державы, человеком, последовательная борьба которого за мир и мирное сосуществование в настоящее время является прочным вкладом в историю нашей планеты. Оценки международного положения, данные Л. И. Брежневым в его речи на заседании сейма, являются примером творческого марксистско-ленинского анализа — таково было общее мнение всех, кто слушал эту важную речь. Как свидетельство подлинного гуманизма советской внешней политики была воспринята та часть выступления Генерального секретаря ЦК КПСС, в которой он говорил, что в ядерную эпоху очень опасна старая формула: «Хочешь мира — готовься к войне!» Овацией была встречена новая формула, выдвинутая товарищем Брежневым: «Хочешь мира — проводи политику мира, борись за эту политику!»

Праздничные дни, когда польский народ отмечает славное 30-летие, навсегда останутся в нашей памяти как демонстрация польско-советского братства и дружбы, как дни, когда мы вспоминали о жестоких днях войны и особенно сильно чувствовали вкус мира.

Варшава, июль (по телетайпу).

22 июля на площади Парадов в Варшаве.

Телефото специальных корреспондентов ТАСС В. МУСАЭЛЬЯНА и В. СОБОЛЕВА.

Дружба вечная, нерушимая.

Встреча на Внуковском аэродроме.

Фото В. КЛИМОВА.

Во время переговоров.

Фото В. Воликжанина и В. Кошевого (ТАСС).

ДРУЖЕСКИЙ ВИЗИТ

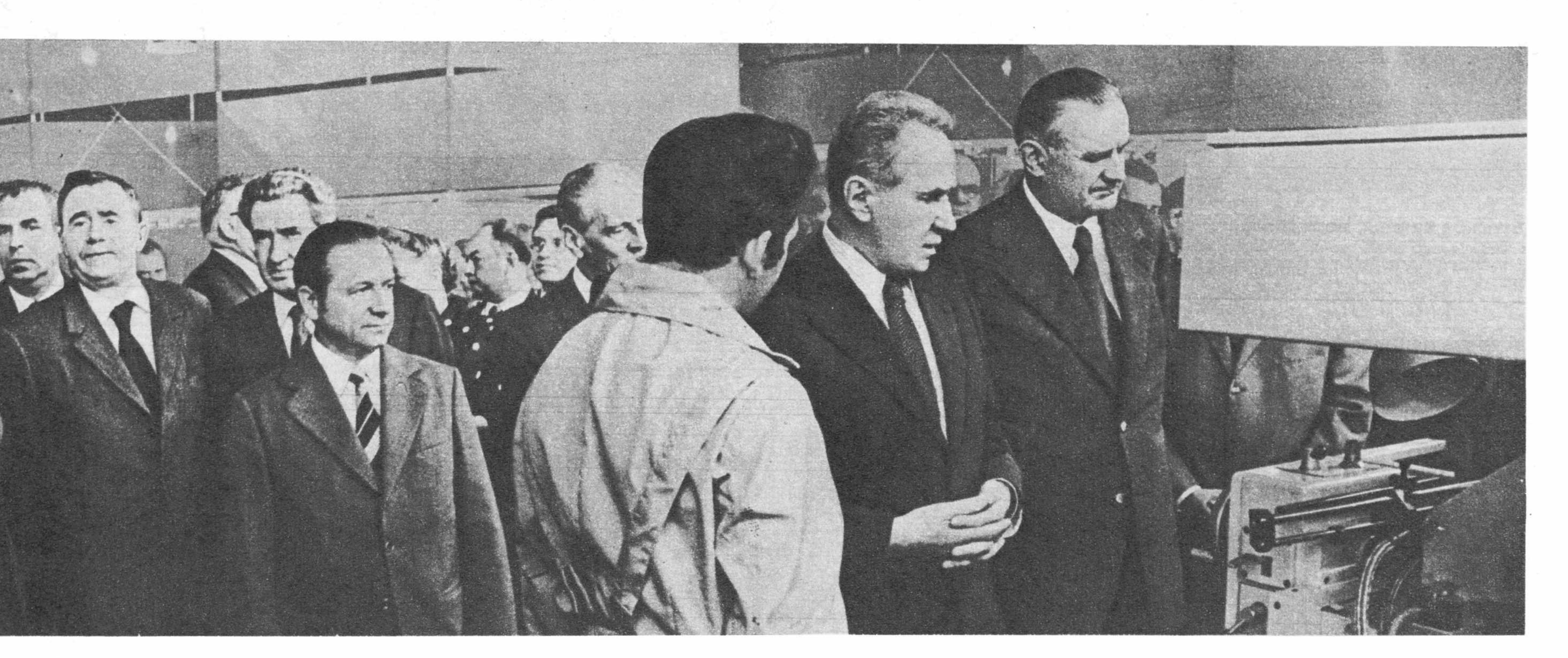
В Советском Союзе по приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с официальным визитом находилась партийно-правительственная делегация Народной Демократической Республики Йемен во главе с Генеральным секретарем ЦК Национального фронта, членом Президентского совета, председателем Постоянного комитета Высшего народного совета НДРЙ Абдель Фаттахом Исмаилом.

В Кремле состоялись переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и Генеральным секретарем ЦК Национального фронта, членом Президентского совета, председателем Постоянного комитета Высшего народного совета НДРЙ Абдель Фаттахом Исмаилом.

В ходе переговоров, проходивших в дружественной обстановке и в духе полного взаимопонимания, состоялся обстоятельный обмен мнениями по вопросам двусторонних отношений и их дальнейшего развития, а также по актуальным международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

Было принято совместное коммюнике о результатах визита в СССР партийно-правительственной делегации НДРЙ.

Было подписано также соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Народной Демократической Республики Йемен о дальнейшем развитии экономического и технического сотрудничества.

Член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров ПНР П. Ярошевич на открытии выставки.

Фото В. Климова.

ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА

Знаменательному событию в жизни братского польского народа посвящена открывшаяся 17 июля в Москве, на ВДНХ СССР, выставка «30 лет социалистической Польши».

На открытие выставки прибыли товарищи А. А. Громыко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, А. Я. Пельше, А. Н. Шелепин, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев. Здесь же партийно-правительственная делегация ПНР, возглавляемая членом Политбюро ЦК ПОРП, Председателем Совета Министров ПНР П. Ярошевичем.

В своих речах А. Н. Косыгин и П. Ярошевич подчеркнули значение выставки. На ней представлено свыше семи тысяч экспонатов. Это самая крупная из всех польских выставок, организованных ранее за рубежом. Она наглядно показывает силу и действенность братской дружбы и сотрудничества ПНР с Советским Союзом, со всеми странами социалистического содружества.

НАРОД КИПРА БУДЕТ СВОБОДНЫМ

Виктор КУДРЯВЦЕВ

То, что произошло на Кипре, нельзя рассматривать в отрыве от борьбы сил демократии и прогресса против сил реакции и войны на нашей планете. Путч, организованный греческой военщиной на острове,— попытка задушить демократию в этой стране.

Интервенция греческой военщины на Кипр произведена в тот самый момент, когда тенденции к разрядке международной напряженности начали все более пробивать себе дорогу в отношениях между государствами, а «холодная война» — уходить в прошлое. Вторжение на Кипр — это акция, направленная на то, чтобы препятствовать этим тенденциям путем создания опасного очага напряженности в восточной части Средиземного моря. Нет сомнений, что нити заговора против Кипрской республики тянутся через Афины дальше — в военные штабы НАТО, в оффисы империалистических разведок.

Попытка захватить Кипр греческими путчистами направлена на осуществление «энозиса» («слияния» с Грецией). Переворот осуществлен греческими офицерами — главарями запрещенной на острове организации ЭОКА-2, которая открыто провозгласила эту цель. Об этом свидетельствуют и меры, предпринятые «черными полковниками» из Афин в первые же дни мятежа: они тут же направили свои ВВС на остров и двинули корабли военно-морского флота к Кипру.

Согласно заключенным еще в 60-е годы так называемым «цюрихско-лондонским соглашениям», Греция является наряду с Турцией и Великобританией «гарантом» независимости острова. Она взяла на себя обязательство не вмешиваться во внутренние дела Кипрской республики, уважать ее суверенитет и территориальную целостность. «Черные полковники» при поддержке агрессивных кругов НАТО обошлись с договором как с клочком бумаги...

Путчисты спровоцировали обострение отношений между греческой и турецкой общинами, которые благодаря усилиям правительства Макариоса успешно регулировались. В этой обстановке Турция высадила свои войска на Кипр.

Сегодня уже совершенно очевидно, что за действиями греческой военщины кроются намерения привязать Кипр к военной машине НАТО. Превратить остров в базу Североатлантического альянса — это давняя «голубая мечта» его стратегов. Никогда не было недостатка в заявлениях натовских генералов на тот счет, что «без Кипра юго-восточный фланг НАТО является неустойчивым».

Чрезвычайно существенным является и то, что Кипр находится в непосредственном соседстве к зоне ближневосточного конфликта. Втягивание Кипра в систему НАТО создало бы обеспечение непосредственных стратегических тылов Израиля, его морских коммуникаций. Образовался бы так называемый «стратегический треугольник» НАТО на Ближнем Востоке: Израиль, Греция, Кипр. Он стал бы районом обеспеченного маневрирования военно-морских сил НАТО и Израиля. Израильские экстремисты таким образом получили бы своего рода «морской плацдарм» для организации провокаций против арабских народов. Понятно поэтому, что в арабских странах события на Кипре вызвали особую тревогу.

Волна негодования действиями военной хунты и ее покровителей прокатывается по миру. «Советский Союз, социалистические страны, все миролюбивые государства,— заявил в Варшаве Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— решительно требуют положить конец военному вмешательству извне во внутренние дела Кипра и восстановить положение республики как независимого, суверенного государства, существовавшего до греческой агрессии».

Ареной борьбы за принятие энергичных мер в поддержку Кипрской республики и ее законного правительства, возглавляемого Макариосом, стал Совет Безопасности ООН. Ввиду откровенно незаконных действий хунты ее защитникам трудно было выступить впрямую в поддержку интервенции. Они сделали ставку на то, чтобы оттянуть время и парализовать принятие Советом Безопасности срочных и действенных мер. Благодаря решительной и принципиальной позиции Советского Союза и других миролюбивых сил эти замыслы были сорваны. На своем третьем заседании Совет Безопасности принял резолюцию, которая исходит из поддержки законного правительства республики и требует прекращения иностранного вмешательства в ее дела.

В соответствии с этой резолюцией Турция и Греция согласились прекратить огонь. Путч провалился. Подал в отставку самозваный «президент» Кипра Никос Самсон. Банкротство афинской военной хунты очевидно. Власть в Греции передана гражданскому правительству. Стремление народов этого района к свободе и независимости нельзя погасить.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Рисунок заключенного с острова Макронисос. Фото из журнала «ШПИГЕЛЬ».

ПОЧЕРК РЕАКЦИИ

Черную роль в организации путча на Кипре сыграла так называемая национальная гвардия Кипра, предводительствуемая греческими офицерами, проводниками идей афинской хунты. Недавно западногерманский журнал «Шпигель» описал личность и деяния одного из бывших членов национальной гвардии, а ныне высокопоставленного греческого фашиста, непосредственно связанного с организацией путча на Кипре.

Димитриос Иоаннидис, пятидесяти одного года,— всего лишь бригадный генерал, один из 250 генералов Греции. В правительстве не занимает никаких постов. И все же, как пишет журнал «Шпигель», его команду слушает вся греческая военщина.

Во времена гитлеровской оккупации он присоединился к правой партизанской группе «Эдес» генерала Зерваса, которая сражалась сначала с вермахтом, а затем с партизанским фронтом национального освобождения «ЭЛАС». Проходит немного времени, и старательный помощник командира первого саперного батальона переводится в охрану концлагеря на острове Макронисос.

Уже на Макронисосе, где тысячи коммунистов, а также солдаты и интеллигенты, подозреваемые в левом мышлении, проходили «перевоспитание», Иоаннидис лелеет мечту о «новой Греции» национал-социалистского толка. Кто выражает с ним несогласие, того Иоаннидис отдает в руки военной полиции, а та пытает заключенных, доводя их до состояния безумия. Не оставляют Иоаннидиса и мысли о путче. Фашистский переворот — вот к чему стремится этот вояка-палач. И его час пробил, когда танки в ноябре прошлого года смели правительство Пападопулоса. Путчист Иоаннидис, по словам «Шпигеля», «из военной диктатуры сделал диктатуру военно-полицейскую». Ныне из 160 тысяч греков, находящихся под ружьем, 25 тысяч служат в военной полиции (ЭСА), которую возглавляет Иоаннидис.

Большинство заключенных предпочитают не говорить о том, что они пережили в застенках ЭСА, но есть и исключения. Луиза Гондикас, жена демократа Димитриоса Гондикаса, 27 лет, прошедшего трехмесячные допросы в ЭСА, рассказала недавно: «Когда я получала в стирку его белье и платье, они часто были пропитаны кровью. В последний раз, когда я посетила его, он не мог ходить, потому что они ему разбили ноги. Руки его были вздуты, на нескольких пальцах не было ногтей».

26 ИЮЛЯ —
ДЕНЬ НАЦИОНАЛЬНОГО
ВОССТАНИЯ НА КУБЕ

Геннадий ЗАФЕСОВ

«ТЕБЕ ПИСЬМО, ФРАНСИСКО!»

От кого письмо, Франсиско Мартинес догадался сразу, как только увидел его в руках у почтальона. И хотя не мог на расстоянии прочесть на конверте русские буквы, он знал — письмо от Петра Кусканова. Франсиско тут же хотел вскрыть конверт, но не стал этого делать: ведь все равно прочитать сам не сможет — веселой любимицы квартала Паолы сейчас нет дома. С утра она всегда в училище имени Макаренко, где изучает русский язык, а ему сегодня как раз во вторую смену, и когда он вернется, Паолы наверняка не будет дома.

Франсиско уселся в кресло-качалку в углу веранды, держа в руках письмо. Интересно, о чем пишет Петр? Досадно, что нельзя прочесть письмо далекого друга без посторонней помощи, ведь он и по-испански выучился читать и писать, когда был уже совсем взрослым.

«А сколько у нас на Кубе людей с такой же судьбой, как моя? Но жаловаться мне, пожалуй, не на что, — строго сказал он самому себе. — Паола и ее сверстники завидуют людям моего поколения. Им кажется, что они опоздали к самым главным событиям нашей истории: не действовали в подполье, не воевали в горах Сьерра-Маэстра. Землю у помещиков отняли без их участия, а неграмотность ликвидировали, когда они едва научились ходить. Эти молодые люди не знают сейчас, как трудно держать карандаш в негнущихся пальцах, привыкших к черенку мотыги или рукоятке мачете».

Франсиско вспомнил своего друга Мануэля, шутника Маноло, с лица которого никогда не сходила улыбка, и нельзя было не улыбнуться в ответ, даже если ты смертельно устал от бесконечных переходов по тропам горного Эскамбрая, по которым пробирался отряд, преследуя банды кулаков, поднявших мятеж после революции. На улыбку Маноло нельзя было не ответить, даже если ныли плохо перевязанные раны, а последний сухарь был съеден два дня назад. Наверное, за эту улыбку и любили больше всего Маноло товарищи.

...С Маноло Франсиско познакомился в отряде, и подружились они сразу. Наверное, потому, что их жизнь была удивительно схожа. Оба родились в хижинах с земляным полом, крытым тростником. Оба, сколько себя помнили, помогали родителям в тяжком крестьянском труде, только Франсиско складывал в кучки срубленный сахарный тростник на поле, а Маноло задавал корм скоту и чистил хлев у помещика. Оба не ходили в школу, потому что не было ботинок и приличной одежды и потому что семье нужны были рабочие руки. Крепко подружились Франсиско и Маноло, ведь в отряде не было ни одного, кто бы не хлебнул вдоволь лиха, будь он сын крестьянина, портового грузчика или рабочего табачной фабрики! Может быть, потому, что была у них общая мечта? Мечта, которой они поделились однажды ночью, лежа на жесткой, высохшей траве, глядя на яркие звезды, висящие так низко, что, казалось, их можно срывать с неба, как желтые плоды манго.

Крестьянские дети Франсиско и Маноло, не знавшие большей ценности, чем земля, хотели стать агрономами. Земля теперь народное достояние, она снилась парням на коротких привалах.

...Маноло погиб в последнем бою от последней бандитской пули. Во всяком случае, после того как упал друг, Франсиско выстрелов уже не слышал. Мечта Франсиско стать агрономом так и не сбылась. Его вызвали в райком, хотя тогда он еще не был членом партии, сказали, что стране нужна сталь, и послали работать на металлургический комбинат «Антильяна де Асеро».

До революции тут заправляли американские инженеры. Когда новая власть национализировала крупные заводы, фабрики, банки, железные дороги, эти инженеры превратились в ярых врагов. На прощание американские специалисты решили хлопнуть дверью: они оставили в печах недоваренный металл и загасили их. Предприятие вышло из строя.

В такие тяжелые дни и пришел сюда Франсиско. А вскоре прибыли инженеры, техники, сталевары из СССР. Так Франсиско познакомился с советскими людьми.

Совсем не похож был Петр Кусканов на Маноло, но в сердце Франсиско он занял такое же место, как и его друг.

Франсиско никогда не забудет дня, когда дали первую сталь. Ему даже теперь кажется, что ту первую, бело-оранжевую струю металла, что хлынула в подставленный ковш, он смог бы отличить от сотен других, какие повидал на своем рабочем веку.

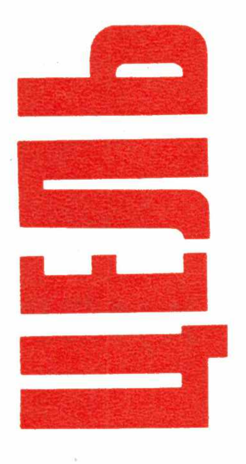
Да, Франсиско не жалеет, что не стал агрономом, хотя и до сих пор уважает эту профессию больше других. Варить сталь, однако, — дело тоже серьезное, думает Франсиско и сам подмечает, что слова «варить сталь» произносит про себя с особой гордостью. Что ж, рабочий человек вправе гордиться делом, которое он делает, решает Франсиско и вновь вспоминает дни, когда Петр учил его азам мастерства. Конечно, технология разработана, есть химический анализ, а все же сложные марки поручают варить наиболее опытным сталеварам.

Когда Франсиско выдал первую самостоятельную плавку, Петр сдержанно поздравил его, но не произнес заветных слов — «Теперь ты сталевар!», которые так хотелось услышать Франсиско. Слова эти он услышал позже, когда прошел стажировку на волгоградском заводе «Красный Октябрь». Сейчас, когда у него самого появились ученики, Франсиско тоже не спешит называть их сталеварами, потому что человек, сваривший первые тонны металла, еще не сталевар.

Франсиско посмотрел на часы. До начала смены еще порядочно времени, и вдруг ему пришла в голову простая мысль: ведь письмо Петра может перевести ему любой инженер, учившийся в Москве, или кто-то из советских специалистов, которые теперь помогают повысить мощность комбината...

Он вошел в мартеновский цех, поднялся по лестнице и оглядел двор комбината. Глаз придирчиво задержался там, где возводились новые прокатный и литейный цехи и тепловая электростанция. «Молодцы, быстро строят!» — с уважением подумал он. Похоже, плавка кончается, решил Франсиско, и, словно в подтверждение, упругая, тяжелая струя ослепительного металла ударила в дно ковша. Франсиско любовался разливом стали так, как будто он видел все это в первый раз. Потом подошел к сменному инженеру Карлосу Матурелю, тронул его за локоть, молча показал конверт, и они отошли подальше от мартенов, сели на скамейку и стали читать письмо Петра.

Гавана, июль.

РАКЕТЫ НАКРЫВАЮТ ЦЕЛЬ

28 ИЮЛЯ —
ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО
ФЛОТА СССР

Г. МАКАРОВ

Фото автора.

Как только горы закрыли солнце, море лишилось синевы, стало серым под цвет корабля, а вскоре и совсем потемнело.

На Главный командный пункт докладывают:

— До точки два с половиной кабельтова... Полкабельтова...

Наконец:

— Корабль в точке!

Якорь почти бесшумно ныряет в воду, и «Сознательный» замирает неподалеку от берега. Эсминец вернулся с учений. Вернулся после тяжелой работы...

...«Боевая тревога!»... Сигнал колокола громкого боя сотрясает на «Сознательном» все от носа до кормы, рвется прямо в душу. Закрыв железные веки иллюминаторов, задраив люки, корабль замирает. Живут только антенны локаторов, следящие за обстановкой в море и воздухе.

Все на боевых постах.

В районе полигона уже нет посторонних судов, только в кильватере за нами идет большой противолодочный корабль. У обоих кораблей общая задача: сложные стрельбы.

Снова пронзительный, тревожный зов колокола. Будто головой подняв тяжелые створки люков, поднимаются из недр корабля и встают на свой пост ракеты. Башня главного калибра легко и быстро разворачивается на правый борт. Вот и ракеты поворачиваются также вправо, поводя своими острыми носами, как бы присматриваясь к горизонту. Туда же смотрят стволы скорострельных автоматов. Еще команда — и корабль ложится на курс.

Длинные ослепительные языки пламени срываются с борта противолодочного корабля. Звуки залпа не успели докатиться до нас, как одна за другой уносятся к цели и наши ракеты. Тут же грохочут орудия главного калибра. А вскоре усиленный динамиками голос командира корабля «Сознательный» капитана III ранга Алексея Видченко разносится по всем помещениям.

— По предварительным данным, стрельба выполнена отлично.

— Почему по предварительным?

— Мы наблюдали прямые попадания на индикаторах. Теперь необходимо расшифровать записи еще и контрольной аппаратуры.

— Почему не стреляли автоматы?

— Их огонь не понадобился. Цели уже были уничтожены...

Петру Леонидовичу Капице минуло 80 лет. Страна торжественно отметила эту дату — Герой Социалистического Труда академик П. Л. Капица награжден орденом Ленина и второй золотой медалью «Серп и Молот».

ПЕТР КАПИЦА

Евгений ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Как-то лет тридцать назад, выступая перед студентами Московского физтеха, Петр Леонидович Капица поведал удивительную историю про почтмейстера из неведомого города.

Студентам было интересно, как сам ученый расскажет о причинах, заставлявших его находить для себя задачи в самых разных областях физики, заниматься сначала сверхсильными магнитными полями, сверхтекучестью гелия, потом кислородом... Петр Леонидович подумал и начал рассказывать про почтмейстера.

Был почтмейстер добрым малым. Писал письма для всех желающих. Его часто просили: он считался самым грамотным. Но потом установили, что добрый почтмейстер все письма пишет по одному адресу. А именно — в город Конотоп. Возникает вопрос: почему в Конотоп?

После недолгих разбирательств выяснили, что у почтмейстера здорово выходит заглавная буква «К». Из истории следует, что во избежание неприятностей всякий специалист должен одинаково красиво писать все буквы.

Так сказал академик Капица, но мысль можно повернуть иначе. Настоящий специалист все-таки всегда пишет по одному и тому же адресу, иными словами, у него, будь он ученым, композитором или писателем, есть свой почерк.

Еще студентом Петроградского политехнического института в своей первой научной работе Петр Капица разработал оригинальный способ получения тонких кварцевых нитей. Сделать тонкую и ровную кварцевую нить было сложно, а может быть, даже и вообще невозможно. Но нити были нужны для подвеса прибора, и тогда молодой исследователь разработал свой метод.

В узком, темном коридоре по полу расстелили мягкое бархатное полотнище. Петр принес игрушечный лук и стрелу. Технологию отработали на месте.

Конец стрелы опускался в расплавленный кварц, натягивалась тетива, и стрела, вытягивая тонкую нитку, летела по коридору и падала на бархат.

Можно считать, что это — решение инженерной задачи. Если так, то это и есть та самая одна и та же буква в научном почерке Капицы.

Если почерк ученого определяется значимостью выбираемых задач и методами, которыми он решает эти задачи, то для Петра Леонидовича свой почерк — сочетание четко продуманного замысла и экспромта в деталях. Его конек, его «буква» — неожиданная изобретательность и во всем какой-то чисто русский размах, то, что зарубежные исследователи его творчества называют «русской эксцентричностью».

Рассказывают будто был такой случай, когда знаменитая фирма, кажется, «Сименс и Шуккерт», попросила у Капицы консультации — почему не работает электродвигатель очень важной машины. Сумма за консультацию была назначена весьма солидная — 10 тысяч марок. Петр Леонидович осмотрел машину, потом взял молоток и ударил по коренному подшипнику: двигатель заработал.

Фирме стало обидно платить такие деньги, и она попросила ученого составить нечто вроде письменной калькуляции. Он составил: «Один удар молотком — 1 марка, 9 999 марок — за то, что знал куда ударить».

Дело тут, конечно, не в «русской эксцентричности», а в блестящем инженерном расчете.

Открыть эффект — полдела. Чтобы новое открытие двигалось, взрывалось или кормило людей, оно должно заинтересовать инженера. В конечном счете именно инженер проводит новое открытие в жизнь. Ученый имеет дело с явлениями, инженер — с вещами. В том-то и состоит уникальность таланта этого ученого, что, решая самые сложные научные проблемы, он остается еще и инженером.

Петр Леонидович говорит:

— По-моему, хороших инженеров мало. Багаж инженера должен состоять из четырех частей: двадцать пять процентов теоретического образования; двадцать пять процентов — художественного (машину нельзя проектировать, ее нужно рисовать. Меня так учили, и я так тоже считаю). Кроме этого, на двадцать пять процентов инженер должен быть экспериментатором, чтобы уметь исследовать свою машину, и на оставшиеся двадцать пять процентов он должен быть изобретателем. Это, конечно, грубо. Могут быть варианты, но все эти элементы необходимы.

...Был октябрь семнадцатого. Без хлеба, без света, без дров. Аудитории Политехнического института не отапливались. Чаще всего профессора читали лекции у себя дома. По вечерам все занятия вообще отменялись.

Трамвай по Петрограду не ходил. Профессора копали индивидуальные огороды и с «академической» точностью составляли графики, кому когда ходить дозором — стеречь картофельные посадки.

Жена первого учителя Капицы академика Иоффе завела коз и аккуратный огородик с капустой, с картошкой. Много говорили о дороговизне, о болезнях, о войне, но велись и другие разговоры.

23 сентября 1918 года в голодном Петрограде создан новый научно-исследовательский институт. Сотрудники института должны были заниматься изучением рентгеновских лучей и радия.

Сам факт организации такого научного института в восемнадцатом году кажется событием фантастическим. Но институт был создан, и не только формально. Сотрудники института вели интереснейшую научную работу. Там работали ученики академика Иоффе, участники его семинаров, теперь уже всемирно известные: Лукирский, Дорфман, Капица, Френкель, Семенов, Добронравов...

Капица работал вместе с Семеновым. Сравнительно недавно на одном из юбилеев лауреат Государственной и Нобелевской премий Николай Николаевич Семенов, вспоминая те годы, сказал:

— Петр Леонидович Капица — мой старый друг. Мы дружим вот уже более полувека. В тысяча девятьсот двадцать первом году ху-

дожник Кустодиев написал наш двойной портрет, который принадлежит Петру Леонидовичу. В день моего шестидесятилетия Петр Леонидович подарил мне большую фотокопию этого портрета и написал: «Портрет хорошо сохранился, но мы здорово постарели. Однако в душе мы оба так же молоды и глупы, как выглядим на портрете».

В двадцатом году Капица и Семенов, сотрудники физико-технического отдела, разработали метод определения магнитных моментов атома. Их работа стала фундаментальным подтверждением квантовой теории.

Но одной увлеченности было недостаточно. Голыми руками науку делать нельзя, даже если экспериментатор, как говорил Франклин, умеет пилить буравчиком и сверлить пилой. Нужны новые приборы и литература.

Для ученого страшно не знать, чем занимаются коллеги за рубежом. Ученый должен чувствовать уровень своей работы, хотя бы затем, чтобы не повторять уже пройденное кем-то. Петроградские физики отправили в Москву в Наркомпрос докладную записку «О необходимости заграничных командировок для ученых с научными целями». В этой записке читаем:

«Наука по своему существу явление интернациональное. Она представляет результат коллективного опыта всего человечества и для своего непрерывного развития требует непрерывного взаимодействия людей, в частности ученых специалистов всех стран. Это взаимодействие необходимо для того, чтобы каждая страна могла сразу же воспользоваться научными открытиями других стран. Изолированность научной работы какой-либо страны обрекает ее на научную отсталость и научный застой».

Тогда было совсем не просто — поехать в заграничную командировку. У Наркомпроса нет валютного фонда. Замнаркома внешней торговли Лежаву, ведавшего валютой, рвут на части. Всем нужны франки, доллары, фунты. Лежава говорил: «Денег нет. Ни копейки!» — и сверкал глазами. Луначарский пошел к Ленину.

Владимир Ильич дал распоряжение командировать ученых для восстановления научных связей и закупки необходимого оборудования. Он понимал, что наука не может развиваться без интернациональных связей, что в отрыве от международного опыта, не имея возможности обмениваться информацией, наука новорожденного Советского государства заведомо будет отставать. Всякая аналогия с фениксом, рождающимся из пепла, не очень подходит для науки. Ни наука, ни искусство не могут возникнуть вдруг. Тут ничего не поделаешь — нужны основа, школа, традиции.

Академик Иоффе просил командировать в Англию вместе с ним доцента Политехнического института, сотрудника Петроградского физтеха Петра Леонидовича Капицу.

В Кембридже Капицу встретили вполне прохладно. «Чем вы будете платить за учебу?» — поинтересовался знаменитый Резерфорд. «Мне платят жалованье»,— был ответ.

Он руководил закупкой промышленного оборудования в Англии и своим жалованьем мог платить за учебу. Первым его экзаменатором в Кембридже был Джеймс Чедвик. Потом они сделались большими друзьями. Капица был шафером на свадьбе Чедвика. Но это позже, а в двадцать первом году Капица был чужим в старинном Кембридже.

Впервые на него обратили внимание, когда он поставил необычный рекорд: сдал физический практикум за две недели вместо двух лет. Такое трудолюбие и целеустремленность не могли остаться незамеченными. За ученым из Страны Советов стал наблюдать сам Резерфорд.

В Кембридже Капица увлекся идеей создания сверхсильных магнитных полей. Теперь говорят, что он ставил целью получить магнитное поле такой мощности, чтобы можно было изучать изменение движения электронов в атомах, в молекулах, в кристаллах. Но на самом деле все выглядело не совсем так. В Кембридже он занялся исследованием частиц и писал: «Мы главным образом интересуемся атомными явлениями».

Молодой ученый измерял импульс частицы. Это была его первая задача. Надо было изменить движение частицы, чтобы определить основные ее параметры, и единственно эффективным средством для этого могло быть магнитное поле огромной мощности. Нужно строить гигантский магнит.

В то время, когда коллеги Капицы работали с приборами, построенными из подручных средств без значительных денежных затрат, его лаборатория напоминала мощное промышленное предприятие. «Отец кибернетики» Норберт Винер в книге «Я — математик» пишет:

«...В Кембридже была все же одна дорогостоящая лаборатория, оборудованная по последнему слову техники. Я имею в виду лабораторию русского физика Капицы, создавшего специальные мощные генераторы, которые замыкались накоротко, создавая токи огромной силы, пропускавшиеся по массивным проводам; провода шипели и трещали, как рассерженные змеи, а в окружающем пространстве возникало магнитное поле колоссальной силы... Капица был пионером в создании лабораторий-заводов с мощным оборудованием... Сейчас в связи с созданием атомной бомбы и развитием исследований по физике атомного ядра такие лаборатории стали совершенно обычными».

Получив в свои руки такое мощное оружие, как импульсные магнитные поля, поставив материю в необыкновенные условия или, выражаясь фигурально, застав природу врасплох, ученый мог теперь изучать самые фундаментальные свойства. Он занялся новой тогда областью — физикой твердого тела. Надо сказать, что все, что он делал, всегда было ново. Начал с металлов, открыл свой «линейный закон». Для четких исследований он должен был проводить свои работы при низких температурах. Дело в том, что металлы, как и все другие твердые тела, как вся материя вообще, обладают не только обычными свойствами, объясняемыми классическими законами. Есть и другие свойства, в отличие от обычных не подчиняющиеся «здравому» смыслу классических законов. Это уже квантовые свойства. Свойства в масштабах отдельных атомов и молекул. В обычных условиях при обычных температурах атомы и молекулы находятся в непрерывном тепловом движении, и это хаотическое тепловое движение закрывает квантовые свойства. Они есть, и их нет. В обычных условиях они незаметны.

Капица предполагал снять «тепловой фон», используя жидкий кислород и жидкий гелий, «самые холодные» газы, сжижающиеся при температурах, близких к абсолютному нулю. Он начал заниматься методами получения низких температур, построил установку для сжижения водорода, но не успел развернуть работы в новой Мондовской лаборатории.

В 1934 году, закончив стажировку, ученый уехал на родину. Советское правительство решило купить оборудование его лаборатории и предложило Кембриджскому университету 30 тысяч фунтов стерлингов.

Эта значительная сумма, может быть, и компенсировала финансовые затраты по созданию Мондовской лаборатории, но, кроме денег, в нее было вложено слишком много усилий, не поддающихся финансовому учету. Достаточно сказать, что Мондовская лаборатория была самой современной лабораторией Кембриджа. Резерфорд дрожал над своими приборами и, по единодушному мнению кавендишских лаборантов, мог ругаться из-за приборов, действительно как фермер. Но, узнав, что Капица работает в Москве, Резерфорд сказал: «Эти машины не могут работать без Капицы. А Капица не может без них». И убедил университетское начальство демонтировать лабораторию и продать советской Академии наук.

Постановлением правительства в декабре 1934 года Петр Леонидович Капица был назначен директором Института физических проблем Академии наук СССР, но института еще не было. Ни стен, ни оборудования. Не было даже подходящего места для строительства, и только утвержденное уже торжественное название института подчеркивало, что в его лабораториях будут заниматься большой наукой.

Петр Леонидович сам начертил план института: подвал, первый этаж, второй; продумал, как разместить мастерские, лаборатории, где строить дом для сотрудников.

Строительство должно было продолжаться ровно год. Весной кончили котлован, начали тянуть стены. На производственных совещаниях прорабы стали ссылаться на объективные трудности, обвиняли директора в капризах, тем более что ему многое было непонятно. Он не понимал, что такое «ширпотреб» и что такое «блат». Ему объяснили, что сохранились пережитки капитализма. Он не верил.

Здание института еще стояло в строительных лесах, ломовики свозили к реке строительный мусор, опилки, битый кирпич, но уже начали прибывать высоковольтные «бэби». Приехали кембриджские сотрудники Петра Леонидовича — механик Пирсон и лаборант Лауерман. Приступили к монтажу оборудования.

Первой проблемой Института физических проблем был жидкий гелий.

Тут будет много вопросов. Почему гелий? И почему жидкий? И главное, чем объясняется переход ученого от сверхсильных магнитных полей, принесших ему мировую славу, к проблемам простейшего одноатомного газа?

Еще в Англии, изучая свойства металлов в сверхсильных магнитных полях, ученому понадобились низкие температуры. Он построил установку для сжижения гелия, это была мощнейшая по тем временам установка, он мог каждый час получать по четыре литра жидкого гелия. Четыре литра бесцветной жидкости с температурой всего лишь на несколько градусов выше абсолютного нуля.

То было время, когда по радио говорили об интенсификации и в газетах писали об интенсификации, как сейчас о космосе. Интенсификация промышленности, транспорта, торговли. Советский Союз должен стать настоящей промышленной страной, нужно было догнать и перегнать, чтоб — выше всех, дальше всех, быстрее всех, чтобы на тех же производственных площадях, теми же мощностями давать больше стали, кокса, ситца.

Считалось, что по крайней мере 80 процентов всех технических процессов могут быть интенсифицированы применением дешевого кислорода.

Естественно было предполагать, что самый дешевый кислород будет получаться из воздуха. В поршневых машинах сжатый воздух выпускается в цилиндр, там он расширяется, толкает поршень, за счет этой работы отдает часть своей энергии и, охлаждаясь, превращается в жидкость. Принцип простой, но малоэффективный.

Капица предложил вместо поршневой машины использовать турбину. У турбины очевидные преимущества. Можно обеспечить большую пропускную способность. Все зависит от скорости вращения. Не надо специальной смазки: подшипники, на которых вращается ротор, можно вынести на длинной оси, держать в комнатной температуре, в то время когда сама турбина будет вращаться в глубоком холоде.

Прежде чем строить турбину, ученый теоретически выяснил, от чего зависят потери в турбодетандере, какой должна быть скорость газа, какой формы лопатки...

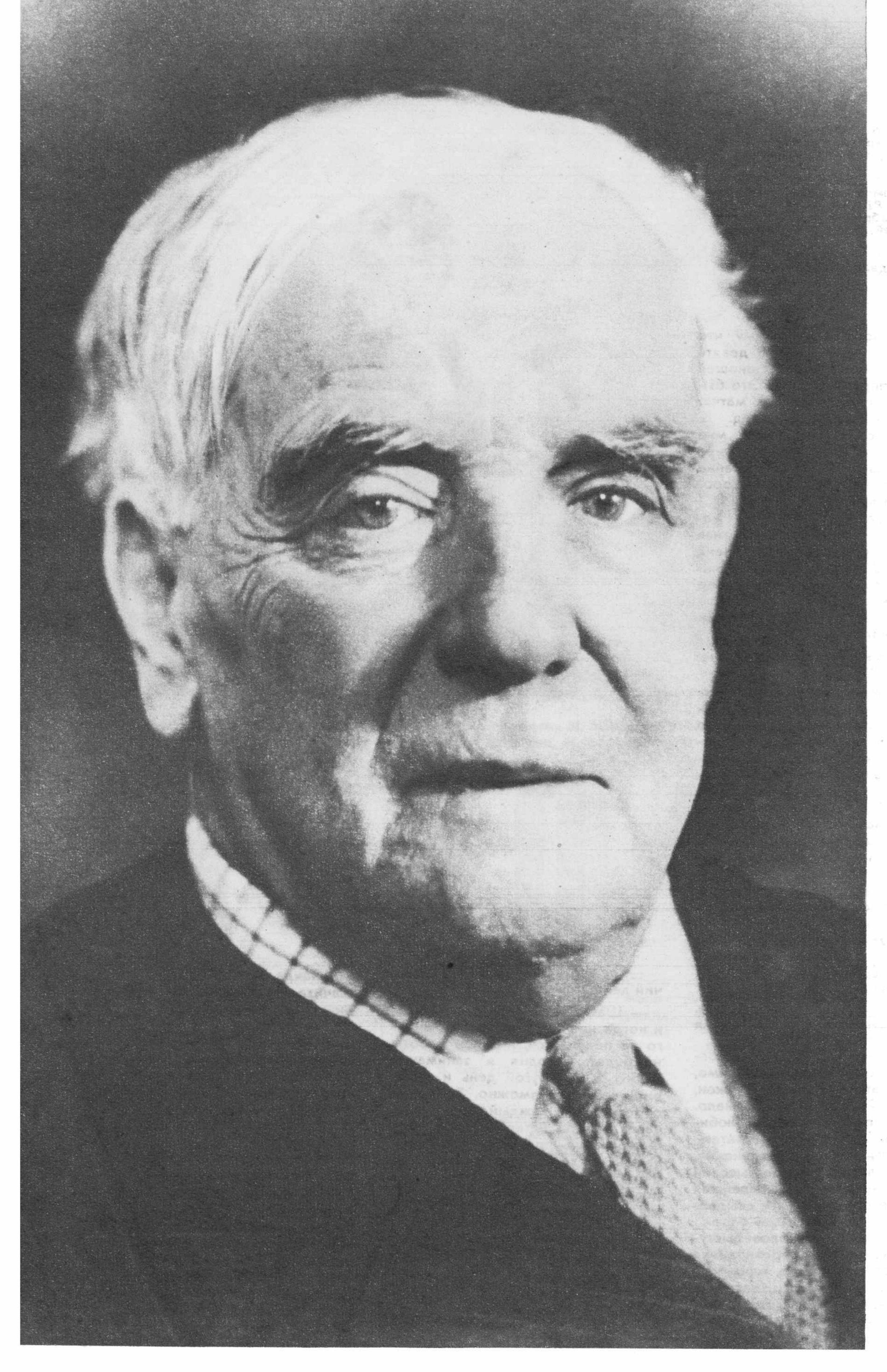
Оказалось, что при низких температурах воздух чрезвычайно плотен, а вязкость его почти не отличается от нормальной. Если бы жидкий воздух можно было пощупать, то он бы оказался плотным, как вода, и «невязким», как обычный воздух. Тут нужно удивиться — каких только чудес не бывает на свете! — однако в инженерных расчетах это чудо не принималось во внимание. Все расчеты холодильных турбин проводились по аналогии с паровыми. Потери, зависящие от плотности газа, опускались. Теоретические исследования показывали, что именно эти потери особенно велики. Капица писал: «Мы пришли к выводу, что с газом при низкой температуре нужно обращаться не как с паром, а скорее как с водой и строить турбодетандер не по образцу паровой турбины, а скорее уже по образцу водяной».

Сборка первого турбодетандера происходила со всей тщательностью. Все было много раз проверено и выверено. Турбину запустили, она проработала меньше секунды, раздался резкий удар, звук, напоминающий что-то вроде «бжи-иг»... и все замерло.

Механики вытряхнули из разобранного кожуха кучу обломков, разжеванные, исковерканные части турбины. Петр Леонидович осмотрел их, повертел в руках, сказал: «Сегодня мы стали много умней».

Нужно сразу сказать, что еще много раз была команда «Пуск!», после этого через секунду, через две, через десять минут — «бжииг». И снова: «Сегодня мы стали много умней». Капица не огорчался (по крайней мере так казалось), тут же, в мастерской, он объяснял конструкцию новых деталей, обычно, «на пальцах», иногда, пристроившись к верстаку, рисовал эскиз и, только когда нужен был более сложный чертеж, делал его дома.

Наконец турбина была построена, испытана и представлена на экспертизу правительственной комиссии. Выглядела турбина донельзя несолидной. Ее ротор весил всего 250 грам-

Петр Леонидович Капица. Фото В. Малышева (АПН).

мов, что само по себе давало повод для всяких шуток по первому кругу ассоциаций. Но, несмотря на все эти шутки, крошечная турбина пропускала ни много ни мало — 600 кубометров воздуха в час, и, чтобы обеспечить такую производительность, к ней был приставлен компрессор весом в три с половиной тонны. Это было удивительно. 600 кубометров в час! Многие не верили. В институт зачастили не только те, кто хоть как-то был связан с кислородной проблемой, но и люди, очень далекие от науки.

Референт Капицы Олег Николаевич Писаржевский пробовал записывать всех гостей. На память. Он завел специальную тетрадку, но гостей было слишком много. На экскурсию приходили депутаты Верховного Совета, знатные стахановцы, артисты ГАБТа и госджаз-оркестра под управлением Леонида Утесова. Гостей водили по лабораториям, показывали жидкий гелий и жидкий кислород. Для наглядности замораживали яблоко или какую-нибудь безделушку.

Испытания первого турбодетандера показали, что его коэффициент полезного действия достигает 80 процентов против тех шести, о которых знали все специалисты...

Началась Великая Отечественная война, заставившая отнестись к проблеме получения дешевого кислорода гораздо серьезней: он был необходим для ускорения всех металлургических процессов.

Немцы стояли под Москвой. На ближних подступах строились баррикады. На оборонительных рубежах ополченцы читали речь академика Капицы рядом с сообщением Совинформбюро. В эти дни Петр Леонидович был в Москве. Он писал: «Товарищи ученые, примкните к этой борьбе за свободу и культуру, борьбе, равной которой не знал мир и пассивность в которой ляжет позорным пятном на любого человека до конца его дней».

Позднее в Москве был создан «Главкислород». Руководство им было поручено академику Капице. По его мнению, основная идея, лежащая в основе «Главкислорода», несла в себе попытку создать организацию, связывающую большую науку с промышленностью.

...Сразу после войны ученый занялся электроникой больших мощностей, одной из самых современных проблем науки.

«Электроника больших мощностей»— его термин. Вообще электроника маломощна. Радиолампы, телевизионные трубки, фотоэлементы — вот всем известный практический выход обычной электроники. Ее успехи были обусловлены тем, что при прохождении электронов через газ движение осуществляется почти без потерь и движением можно управлять. Это очень заманчиво, но из-за своей слабосильности электроника выполняет чисто «интеллектуальную» работу. Большие нагрузки ей не под силу.

Сложилось положение, когда, по мнению Капицы, стоит вспомнить, что электроника, прежде чем перейти на службу мощной энергетике, тоже занималась сначала исключительно вопросами связи. Петр Леонидович считает, что история может повториться, и если сегодня маломощная электроника используется главным образом для радиосвязи, то ее будущее в энергетике.

Одной из интереснейших и важнейших задач электроники больших мощностей является передача электроэнергии по волноводам. В отличие от передачи по проводам в волноводе поток энергии проходит не по проводу, а внутри трубы.

В начале волновода стоит магнетрон — машина, трансформирующая постоянный ток в колебания высокой частоты. Колебания передаются по волноводу, а затем происходит обратный процесс: магнетрон, находящийся в конце волновода, преобразовывает высокую частоту в постоянный ток. Меняется сам характер передачи энергии. Магнетрон закачивает энергию в трубу, совсем как насос, и энергия льется по трубе. Если будет осуществлена мощная линия передачи по волноводам, то можно «ответвлять» от нее энергию, направлять по меньшим волноводам.

Это выглядит почти фантастикой, но можно направлять волновод прямо в доменную печь и осуществить нагревание до очень высоких температур или в буровые скважины для разогрева грунта на больших глубинах.

Однако электроника больших мощностей открывает еще более фантастическую возможность передачи энергии и без волноводов — направленным лучом в свободном пространстве. Таким образом, можно будет обеспечивать энергоснабжение спутников и постоянно действующих космических станций.

И это тоже проблема будущего, как и почти все, над чем работал и работает ученый. В деталях ее будет решать следующее поколение исследователей. Ученики Капицы.

— По мере того, как ты становишься старше,— говорит Петр Леонидович,— понимаешь, что только молодежь, только твои ученики могут спасти тебя от преждевременного мозгового очерствения, и каждый ученик, работающий в своей области, конечно, должен знать больше, чем знает в этой области его учитель. Кто же учит своего учителя, как не его воспитанники? Учитель благодаря своему опыту руководит направлением работы, но в конечном счете его учат его ученики. Они углубляют его знания и расширяют его кругозор.

Занимаясь проблемами электроники больших мощностей, академику Капице удалось решить сложную задачу о движении электронов в генераторах магнетронного типа и сконструировать новые генераторы, в процессе изучения которых он, применяя различные методы диагностики, показывает, что электроны плазмы имеют температуру порядка миллиона градусов!

Этими интереснейшими исследованиями ученый занимается сегодня. Он создает проект термоядерного реактора нового типа, и в его последних работах — все та же изобретательность и размах, потому что академик Петр Леонидович Капица всегда узнаваем. Как узнаваем большой художник своего дела.

— Мне двадцать лет...
— Родился в сорок девятом...
— На днях исполнилось двадцать три...

Счастливый возраст! Возраст, когда все только начинается, все впереди. Человек весь устремлен в будущее, в прекрасное время учения, любви, свершений! Впрочем, повнимательнее, зорче приглядимся к ним.

Мы пригласили их в редакцию «Огонька» в честь знаменательной даты: полвека назад, 12 июля 1924 года, комсомол принял самое дорогое имя — имя Ленина. Делегаты VI съезда РЛКСМ дали тогда торжественную клятву пронести «...по тысячам фабрик и заводов, по рудникам и шахтам, по лицу всей земли советской, в селах и деревнях... знамя и идеи ленинизма».

Послушаем внуков первых комсомольцев. Пусть расскажут наши юные друзья о том, чего можно достигнуть в двадцать с небольшим лет, о том, что волнует их сегодня.

ПУЛЬС

Владимир АРТЕМОВ, доменщик Нижнетагильского металлургического комбината:

— Я металлург, работаю на Нижнетагильском металлургическом комбинате. Кто не слышал о нем? Патриарх, начался еще с демидовских заводов. Ветераны еще помнят время, когда суточное производство металла было в двадцать раз меньше нынешнего. Но нам кажется, что и теперь производим все еще недостаточно. Мы, тагильцы, выступили инициаторами Всесоюзного соревнования за выплавку в этом году по стране ста миллионов тонн чугуна. Женя Пятин, старший горновой шестой печи, идет пока первым. Отличный парень...

— Не только о заводе — о себе расскажите, — попросил кто-то из наших гостей.

— Родом я из-под Тагила, из шахтерского поселка. Отец — горняк, руду добывал, и меня потянуло к металлургии. Чтобы быть теоретически подкованным, поступил в Уральский политехнический институт. После окончания — Тагил. Хотели поставить мастером — я отказался. Профессия доменщика очень сложная. Кроме теории, нужен и опыт. Какой я еще мастер? Решил начинать с азов, с горнового у печи. Потом перешел на шихтоподачу, был бригадиром, поработал на загрузке диспетчером, а последнее время — газовщик. Газовщик — первый помощник мастера, он как бы объединяет все профессии, с которыми я сталкивался. В прошлом году был у нас конкурс на лучшего рабочего по профессии — я среди газовщиков победителем оказался. А теперь, спустя три года, можно и в мастера пойти. Совсем недавно назначили меня подменным мастером...

— Чем занимаетесь в свободное время?

— Я член горкома комсомола, и, кроме того, люблю спорт. У нас хороший Дворец спорта.

— Много у вас молодежи?

— Много. Приходят и после десятилетки и из профессионально-технического училища. Женя Пятин, например, я о нем говорил, пэтэушник, а теперь лауреат премии Ленинского комсомола.

Анатолий КАРПОВ, международный гроссмейстер:

— Я тоже имею отношение к металлургии и к Уралу: жил в Златоусте первые пятнадцать лет. Со всемирно известным металлургическим заводом у меня была самая тесная связь — выступал за его команду. Как пошел в школу, друзья — они были старше меня — привели в шахматную секцию Дворца спорта. Тут и сложилась, можно сказать, моя шахматная судьба. Меня все опекали, на соревнованиях мне даже особый стол поставили, потому что был я очень маленький. В девять лет в первенстве среди юношей выполнил первый разряд. Это было в 1961 году. Играл в матчах за сборную завода, за город.

Через восемь лет, когда мне удалось стать чемпионом мира среди юношей, я получил звание международного мастера — дорога в шахматы открыта.

Я бы сказал так: с 1969 года началась моя серьезная шахматная жизнь, которая полностью меня захватила. Шахматам отдаю большую часть своего времени. А еще сессии в университете... Для отдыха и для чего-то другого времени почти не остается.

— С чего началось ваше увлечение шахматами?

— В шахматы играл отец. А вообще у нас на Урале шахматами в ту пору интересовались все. Это было какое-то повальное увлечение, и я в дальнейшем подобного не встречал нигде. Мальчишки не в футбол играли, а сидели за досками. Мне тогда было 5 лет, а моим шахматным друзьям — по 9—10 лет. Где-то во дворе мы собирались, играли, а вокруг нас толпа ребятишек и даже взрослых. Мы все дружно вступили в шахматную секцию, очень горячо всегда обсуждали ошибки свои и своих друзей, старались потом их не повторять. Только из нашего дома до первого разряда доросло несколько ребят.

— Кажется, писатель Джозеф Конрад утверждал, что шахматная игра — это игра на внимание.

— Внимание — это одно из основных качеств, оно необходимо, но недостаточно. Талант нужен, само собой. Но и этого мало. Шахматная работа тяжелая. Любители-шахматисты могут считать, что шахматы — это развлечение. Но когда идет борьба за высокий титул, то начинается тяжелейшая работа, которую не все выдерживают.

Все тяжелее и тяжелее выступать. Шахматные соревнования идут не один день, не один час, а длятся обычно месяц, нагрузка колоссальная, и нужно распределить силы на весь срок.

— Вы назвали шахматы работой, очень трудной работой. Какую разницу видите между спортом и работой?

— Я считаю, что спорт — это работа, специальный вид работы. Можно ставить вопрос и так: шахматы — это работа или искусство? Я склонен считать, что шахматы — и спорт, и работа, и искусство.

Для меня же шахматы — спорт, но я не отрицаю и двух других сторон. С ними я должен считаться, потому что в шахматной игре все большее значение приобретает научный подход. Все более глубоко подвергаются изучению все этапы партии — и начало, и середина, и окончание. Невозможно стать классным шахматистом без теоретического багажа.

— Как складывается ваш рабочий день?

— Шахматы — это творчество, и когда нет желания играть, ничего не получается, никакой работы не будет. Сегодня я занимаюсь много, а на другой день и заставить себя невозможно. Во время соревнований каждый день девять часов работы. Встаешь утром, рассматриваешь партию, прикидываешь ее ход, разыгрываешь дебюты. Пять часов проводишь за доской. Если доигрывание, то тогда чистых семь часов.

— Как в вашем возрасте переносятся испытания медными трубами славы?

— На меня это мало действует. Наверное, не мне об этом говорить, а тем людям, которые меня окружают.

— Фильм «Гроссмейстер» смотрели? Понравился или нет?

— Шахматы — узкоспециальная тема. Нам, шахматистам, приятно, что шахматы заняли большое место в жизни людей. Вышел фильм. Сам по себе факт приятный, но специалистам трудно судить. Вопрос не ко мне, а к любителям. Фильм не представил интереса для сильных шахматистов. Мне он ничего не дал, а в популяризацию шахмат внес, наверное, большой вклад.

— Вы со Златоустом связаны?

— Вообще, конечно, связан, рвусь туда, но, к сожалению, то экзамены, то матчи, а так хочется там побывать!

Зинаида ЛУКЬЯНОВА, ткачиха фабрики имени Ногина в Вичуге:

— Жизнь у меня начиналась совсем обыкновенно: школа, ПТУ. Получила профессию ткачихи. Направили на хлопчатобумажную фабрику имени Ногина в Вичуге. И тут повезло: попала я в тот самый цех и на тот самый участок, на котором работали Дуся и Маруся Виноградовы, на те же самые станки, их станки, которые еще не заменили.

Сами понимаете — работать плохо на таком участке никак нельзя. Просто стыдно. И я старалась. А было сначала трудно. Специальность наша не простая. Только освоилась — сказали, что у нас пойдет другой сорт бязи. А я с ним не работала, никогда не видела, и заводка совсем другая. Одолела наконец, стала обслуживать восемнадцать станков. Конечно, не сразу, позже. А тут еще и комсомольская работа. Люблю ее... Избрали меня комсомольским групоргом. Мы предложили начать соревнование за кубок Виноградовых. В январе семьдесят второго мы стали первыми обладателями этого кубка, а Марию Ивановну Виноградову избрали почетным членом нашей группы. После того, как поступила в техникум, меня перевели в другую смену.

— А в комсомоле продолжаете работать?

— Да. Я член горкома и обко-

На снимке — гости «Огонька» (слева направо): А. Карпов, И. Щербак, У. Лендюк, Е. Генслер, К. Темирбулатова, В. Логунов, Л. Гребенщикова, В. Артемов, З. Лукьянова, В. Кисаримов, А. Гунько, Н. Слепцов, Н. Торлопова, Л. Семенова, А. Овсенев, В. Гулин.

Фото А. БОЧИНИНА

ПОКОЛЕНИЯ

ма комсомола. С прошлого года — коммунистка.

— Сколько вам лет, Зина?

— Двадцать один.

— Кто у вас задает тон на фабрике — молодежь или пожилые работницы?

— Пожалуй, молодежь. На молодых ногах легче бегать. Но все равно, молодым за наставницами не угнаться. Вот Светлана Петровна Баскакова обслуживает 70 станков, следом за ней идет ее ученица Зоя Иванова.

— Вичуга — город, видимо, типично женский. Как в нем живется девчатам?

— В городе повсюду идет стройка. Асфальтируются дороги, мы часто выходим на субботники. Есть у нас Дворец культуры, в нем большой спортивный зал. Но вообще-то говоря, девчатам скучновато. Мало ребят. Очень мало. Даже на машиностроительном заводе в основном работают женщины...

Валерий ГУЛИН,
оператор нефтепромысла в Тюменской области:

— А у нас, в Тюмени, невест не хватает. Все жены, как говорится, привозные. Я живу в Нижневартовске, в городе, который расположен в семистах километрах от областного центра. Наверное, не стоит лишний раз напоминать, что Тюменская область считается у нас в стране своеобразным нефтяным государством. Так вот, это государство в основном молодежное. Даже на руководящих должностях больше всего людей не старше тридцати лет.

— В чем еще проявляется молодежный характер вашего «государства»?

— Да во всем. В отношениях между людьми, в подходе к делу, в самой атмосфере. Бывает, приедешь на «большую землю» — так там будто бы все иначе, чем у нас.

— А как живется тем, кто только сейчас прибывает на нефтепромыслы? Ведь они вас, наверное, считают «стариками»?

— У нас все свои! Новых ребят мы встречаем хорошо, не обижаем, они к нам тоже, кажется, не в претензии. Что касается возможностей роста,— пожалуйста, все двери открыты. Учись, работай, занимай любую должность, если достоин ее! Примеров много. У нас вот работал помощник бурильщика Коля Шабалин. Окончил, не прерывая работы, институт, сейчас назначен старшим геологом цеха... Я и сам приехал в Тюменскую область только три года назад. Учусь в институте на третьем курсе, заочник.

— А каковы условия жизни? Свыклись с сибирским климатом? Может, он изменился, теплее стало?

— Нет, климат тот же. Морозы, ветра. И громадные расстояния. И проблемы снабжения... Всякое бывает... Народ наш закалился. Обживаем Сибирь!

Устинья ЛЕНДЮК,
Герой Социалистического Труда, свекловод колхоза имени Мичурина, Гусятинского района, Тернопольской области:

— Родилась я в селе Садживка. Отец мой комбайнер. Я очень люблю свой колхоз, всегда хотела в нем работать, меня с детства в селе так и прозвали — колхозница! С пятнадцати лет все время в поле. Когда создавалась молодежная свекловодческая бригада, назначили звеньевой. А потом что? Работали, сил не жалели. Свекла — очень трудоемкая культура. Я не могу говорить только о себе, мне было бы легче говорить, если бы здесь были все мои девчата... Они меня, как звеньевую, выдвигают, а сами любых наград достойны!

— Вам теперь, наверное, часто приходится от работы отрываться для поездок, выступлений?

— Да, конечно! Перед девчатами даже неудобно. Сейчас для нас самая горячая пора — прорывка и подкормка свеклы, работа тяжелая, но необходимая. У меня в эти дни еще и экзамены за десятый класс...

— За что вам присвоено звание Героя?

— За урожай 1973 года. Мы собрали семьсот пятнадцать центнеров свеклы с гектара. А всего на нашу бригаду приходится сто сорок гектаров свеклы...

В разговор вступил еще один участник совещания — Владимир Логунов, молодой председатель колхоза с Тамбовщины.

В. ЛОГУНОВ. Какая техника у вас применяется?

ЛЕНДЮК. Какая? Да обыкновенная — сеялки. Три раза подкармливаем буряки сухими минеральными удобрениями. А при уборке — комбайны.

В. ЛОГУНОВ. Какая нагрузка в звене?

ЛЕНДЮК. По два гектара на свекловичницу.

В. ЛОГУНОВ. А комбайн «КС-6» есть у вас?

ЛЕНДЮК. Нет.

ЛОГУНОВ. У нас тоже нет пока. Обещают. Его ведь ваш, тернопольский завод выпускает!

ЛЕНДЮК. Нам тоже обещают дать — именной! Хорошо бы пожелать конструкторам, чтобы они больше думали о свекловодах, создавали бы хорошие комбайны...

— Трудно учиться при таком напряженном рабочем дне?

— У нас горячая пора весной и осенью, а зимой работы меньше, для учебы времени вполне хватает. Беда в другом — девчата, знаете, как выйдут замуж, так и учиться бросают. А у нашей жизни такой темп, что отстанешь немного — потом очень трудно догнать! Надо все успевать!

Владимир ЛОГУНОВ,
председатель колхоза «Восход», Мордовского района, Тамбовской области:

— В 1971 году я окончил сельскохозяйственный институт и был направлен в Тамбовскую область, в колхоз, на должность главного

агронома. Хозяйство, где я начал работать, в 1972 году разделилось на два. Меня выбрали председателем. Мне тогда было двадцать четыре года. У нас все молодые, нет ни одного специалиста старше двадцати шести лет, с агрономом мы вместе учились в одном вузе.

Первый год был трудным. Необычайная засуха. Ячменя собрали чуть побольше стакана, соломы — практически ноль. Урожай зерновых составил около восьми центнеров с гектара. Однако, как могли, корма заготовили, не допустили падежа скота. Нам немного помогли грубыми кормами. Как видите, «крещение» было нелегким. Правда, я оказался не единственным молодым председателем, в районе много хозяйств, которыми руководят люди примерно того же возраста, что и я. Так что «зеленым» меня не называли. Ну, а теперь... В 1973 году мы получили по тридцать два центнера. Вот как шагнули!

— И все же, согласитесь, молодой председатель — это знаменательное явление в сельском хозяйстве!

— Мне трудно оценивать это явление масштабно, но я, честно говоря, ничего особенного здесь не вижу. Молодой председатель — ну и что же? Если не справлюсь—выберут других. Главное для нас иное — проблема строительства. Уже есть новый хороший коровник, строим зерносклад, ремонтные мастерские, на очереди клуб. А найти строительные материалы сложно и перевезти не так легко — до райцентра шестьдесят пять километров, до ближайшего асфальта десять. Дел много. Весна вот в этом году подвела: думали, она ранняя, а оказалось — поздняя. Правда, в народе говорят: май холодный — год хлебородный. Надеемся получить большой урожай.

Анатолий ОВСЕНЕВ,
командир студенческого стройотряда Московского института инженеров железнодорожного транспорта:

— У студентов идет трудовой семестр... В моей жизни он третий. В прошлом году мы работали на Байкало-Амурской магистрали, в поселке Тында. Наш отряд прокладывал просеки в тайге. Работа тяжелая. Бывало и так, что приходилось валить деревья на склонах... Однажды пришлось идти пешком, дороги дождем размыло, машины не могли проехать. На пути попалась таежная речка. Неглубокая, но вода в ней ледяная. Даже после хорошего дождя по этой речке лед плывет. Да еще скользкая галька мучила. А у нас инструмент и кухня. С нами было десять девушек, пришлось переносить их на руках. Не обошлось без происшествий, кое-кто промок до нитки. Вот как бывает. Но задание свое выполнили, наметили вырубить сто восемьдесят гектаров, сделали двести двадцать.

В это лето я впервые буду командиром линейного отряда в сто человек. У нас в отряде семнадцать девушек. Семь будут поварами и по хозяйству. Остальные займутся сбором сучьев и веток, кое-кому придется месить бетон. Не женское, конечно, дело, но ничего не попишешь...

— Какое значение имеет работа в стройотряде для становления специалиста, для нравственного его воспитания?

— Работа в отряде воспитывает в будущих специалистах лучшие нравственные качества. Я считаю так: если в дальнейшем ты будешь занимать командные посты, то чтобы потом быть на высоте, должен и сам научиться подчиняться, научиться быть дисциплинированным, исполнительным.

— Что надо сделать, чтобы та романтика, которая так привлекает ребят, идущих в строительные отряды, не иссякла быстро?

— Бывали такие случаи — ребята приезжают, а того объема работы, о котором шла речь, нет. Начинаются неувязки, разочарования. Ну и, конечно, имеет значение то, что порой люди совсем не подготовлены к нелегкому физическому труду. А тут и бытовые неустройства... Словом, от организованности зависит многое. Это надо иметь в виду каждому командиру отряда.

Иван ЩЕРБАК,
помощник машиниста депо станции Гребенка:

— Вы строите дорогу, а я уже работаю на железной дороге. До призыва в Советскую Армию был слесарем. Профессия сугубо мирная, и мог ли я тогда подумать, что лицом к лицу встречусь с фашистами?

...Служил я в Западном Берлине, в составе почетного караула охранял памятник советским воинам, павшим при штурме Берлина. Незадолго до очередной смены караула раздались выстрелы. Я получил два ранения, но пост не оставил, продержался до смены. Потом, в госпитале, меня завалили письмами и телеграммами. Пятьдесят семь тысяч писем! По обратным адресам можно было изучать географию: свое возмущение выражали люди со всех концов света. Очень много писем было от молодых людей, в том числе от молодых немцев. Они писали, как ненавидят фашизм во всех его проявлениях. Ко мне в госпитале постоянно приходили ребята, с которыми я служил, мы вместе читали письма — и, знаете, как-то очень отчетливо почувствовали, что мы в одном строю с теми, кто дрался против фашизма, брал Берлин. А ведь мы родились уже после войны... И очень радостно было, что с нами весь мир.

— Вы сейчас поддерживаете связь с теми, с кем подружились во время службы?

— Да, я со многими переписываюсь. Когда в составе советской делегации я был на десятом Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине, то посетил свое подразделение. Там хорошо помнят об эпизоде у памятника, хотя моих сослуживцев почти никого уже в подразделении не осталось. Я понимаю — дело не во мне, не в том, что в меня кто-то стрелял. Тот случай показал, что мы не зря держим порох сухим.

— Как сложилась ваша дальнейшая жизнь?

— Вернулся в свое депо, стал учиться на машиниста. Люблю я технику... Сейчас пока помощник машиниста. Работа сложная, ответственная. Ну, и планов, конечно, много. Мне ведь только двадцать четыре, вся жизнь впереди!

Анатолий ГУНЬКО,
старший лейтенант, военный летчик:

— Я любил и люблю профессию летчика, стремился к ней с детства. Когда закончил школу, сомнений не было — подал заявление в летное училище. И... с первого захода не прошел медицинскую комиссию. Ну что же, есть другая дорога... Стал работать на стройке во вторую смену, а с утра занимался в ДОСААФе. Начал летать, прошел всю программу. После этого меня направили переучиваться на истребителя, затем — в школу инструкторов.

Почему я это рассказываю? О небе мечтают многие, но мечта — это только красивое слово, если за ней не стоит труд. Ни у кого из тех, с кем вместе летаем, дорога в авиацию не была простой и легкой.

— На каких самолетах вы сейчас летаете?

— На сверхзвуковых истребителях. Мы занимаемся перехватом и высшим пилотажем. Я, например, тренируюсь в одиночных полетах, другие пилотируют в составе группы: шесть — девять самолетов на хорошей скорости выполняют на малых высотах различные фигуры.

— Случались ли в вашей летной практике критические ситуации?

— Скажу честно, такие случаи нечасты. Но как-то мне все же пришлось изведать отказ одной из систем самолета... Удалось справиться, все обошлось хорошо. Потом выяснили — причиной отказа была мелкая неисправность. В авиации надо быть постоянно готовым ко всему, она для молодого человека — школа мужества.

Евгений ГЕНСЛЕР,
лейтенант милиции, инспектор уголовного розыска Управления внутренних дел Дзержинского райсовета Москвы:

— Мысли о работе в милиции пришли ко мне в армии, когда я служил на Севере. Вернулся в Москву и с 1972 года стал инспектором уголовного розыска.

Работа в милиции требует специальных знаний и опыта. Особенно если она связана с раскрытием преступлений. У нас, в уголовном розыске Дзержинского района, молодых людей большинство. Подготовку мы совершенствуем, знания приобретаем, а вот опыта маловато. Но мне повезло на учителей. Когда пришел в милицию, первым моим наставником был Евгений Сергеевич Канаев, сейчас старший инспектор. Во всем, чему я научился, львиная доля его стараний. До сих пор, если самому трудно в чем-то разобраться, еду к нему, звоню по телефону. Я считаю: мы, молодежь, не должны стесняться спросить совета у старших, более опытных людей. Мне думается, что до двадцати пяти лет человек должен учиться, выявлять свои способности, чтобы затем приступить к активному созиданию.

— А что по этому поводу думают ваши «клиенты»?

— Если говорить о преступниках этого возраста — от двадцати до тридцати, — то можно подчеркнуть такую их особенность: неверное понятие о своем месте в обществе. Мол, я хочу — и все! Никаких обязанностей. Видимо, здесь сказываются дефекты воспитания, такому человеку не смогли привить чувство ответственности. Кто виноват? Родители, школа, окружающие? В известной мере да. Но больше всего виноват сам человек. Вот говорят часто: улица кого-то испортила. Я с этим не согласен. Иногда мы преувеличиваем силу власти улицы. Мы знаем массу примеров, когда самая необузданная подворотня, самые дурные товарищи не в силах повлиять на паренька, у которого есть свои принципы. Чувство ответственности должно воспитываться в человеке с самого раннего возраста.

Людмила СЕМЕНОВА,
старшая пионервожатая школы № 18 Подольска:

— Конечно, чтобы быть готовым в семнадцать — двадцать лет занять свое место в жизни, надо приучать себя к мысли об ответственности с раннего возраста. Как подготовить к этому ребят? Роль воспитателя здесь огромна. Мы как бы участвуем в закладке фундамента мировоззрения будущего гражданина...

— И вы уже видите «кирпичики» этого фундамента?

— Да, очень радостно бывает, когда твои советы ребята принимают, когда замечаешь пусть небольшой, но сдвиг к лучшему в сознании подростка. Вот в прошлом году пионерский сбор решил не принимать в пионеры одного школьника — он плохо учился, не подчинялся дисциплине. И что же? Общее осуждение сильно подействовало на мальчишку. Он стал старательно заниматься, стал более серьезным, а когда его все же приняли в пионеры — просто переродился. Этим небольшим примером я хочу показать, насколько податлива психика ребят, как важно не упустить время и возможность повлиять на их дальнейшую жизнь.

— Какие, по вашему мнению, воспитательные приемы в работе с детьми используются у нас недостаточно?

— Я работаю старшей пионервожатой всего два года, учусь на втором курсе педагогического института, и хотя я всегда возилась с малышами, опыта педагогической работы у меня, конечно, недостаточно. Если говорить о пионерской работе, по-моему, надо шире распространять тимуровское движение. Это так близко ребятам! Здесь и душевную чуткость можно в них развить, и трудовые навыки, и коллективизм, знание советских законов — и все это, конечно, в форме игры, с выдумкой, с фантазией... Но есть у тимуровцев свои трудности. Им нужно какое-то помещение, нужна хотя бы небольшая материальная база и — главное — нужен веселый, умный человек, я бы сказала — профессиональный воспитатель, который постоянно направлял бы ребят. Нельзя уповать только на детский энтузиазм!

Надежда ТОРЛОПОВА,
продавец из Сыктывкара:

— Тут кто-то из ребят меня спрашивал — не директор ли я магазина? Для директора еще рано, мне всего двадцать два. В штате у нас шестьдесят три чело-

века. В магазине работаю уже шесть лет, сразу после восьмого класса, по примеру старшей сестры. Она интересно рассказывала о своей профессии, и я тоже решила пойти в торговлю. Вначале поступила в «Детский мир», а когда его разделили на два магазина — «Малышок» и «Школьник», осталась в «Школьнике». Работала и училась — окончила вечернюю среднюю школу.

У меня товары для мальчиков. Приходят родители с первоклашками. Нам, продавцам, хочется, чтобы ребятки выглядели красиво. Часто сами мамы просят: «Подберите получше». Бывает, по десять костюмов перемерят, пока мы не убедимся: нашли именно то, что нужно. Мне эта работа нравится. Имеешь дело и со взрослыми и с детишками, которых я очень люблю.

— Не замечали ли вы, что у людей вашей профессии со временем портится характер?

— Пожалуй... Терпение нужно большое. Покупатели ведь бывают разные, одни приходят раздраженные, требуют немедленного внимания, другие — очень стеснительные, стоят в сторонке и приглядываются. У таких спрашиваешь, чем им помочь. К каждому надо иметь подход.

— У вас есть награды?

— Да, медаль «За трудовое отличие». Наш магазин систематически выполняет план товарооборота, имеет много благодарностей. В этом заслуга всего коллектива.

— С поставщиками вы связаны?

— Этим занимается товаровед. Но и мы не в стороне. Ленинградская фирма «Салют» очень хорошо шьет. А ивановская фабрика, например, — плохо. Не знаю, на кого, на каких детей рассчитывают... Начнешь примерять форму — брюки по щиколотку, а пиджаки за колени. Приходится писать письма с претензиями.

— Лет десять назад в «Огоньке» был опубликован очерк «Бегство». В нем рассказывалось о продавщице, которая ушла из магазина, потому что молодой человек, который ухаживал за ней, сказал, что не женится на продавщице. Это был период, когда молодежь только-только пошла в торговлю, и к этой профессии относились не очень-то уважительно...

— У нас нет такой тенденции. Наоборот, я с удовольствием, с гордостью всем говорю, что работаю в магазине. Как работника торговли, меня комсомольцы города избрали делегатом на XVII съезд ВЛКСМ.

Кадрия ТЕМИРБУЛАТОВА, поэтесса:

— Далеко от моего родного дагестанского аула Терекли-Мектеб до Москвы, где я только что закончила Литературный институт. Мой диплом — книга стихов, называется она «Спасенные звезды». Чего я достигла в свои двадцать пять лет? На ногайском языке вышли три моих поэтических сборника, готовится к печати в издательстве «Молодая гвардия» сборник на русском языке. Недавно меня приняли в члены Союза писателей. Мне очень повезло с переводчиками. Одна из них Татьяна Кузовлева. Мы с ней не только постоянно работаем, но и дружим. Сама я тоже занимаюсь переводами. Перевела на свой родной язык несколько стихотворений Пушкина.

— Как сложился ваш путь в поэзию?

— Первое мое стихотворение напечатали в местной газете, когда мне было четырнадцать лет. После окончания школы поступила в педагогический институт. Но печататься продолжала все время. Меня вызвали в Союз писателей республики и спросили, не желаю ли я учиться в Литературном институте имени Горького: «Можем тебя туда рекомендовать». Я, конечно, обрадовалась... В институте я попала к хорошему учителю. Моим наставником был Сергей Васильевич Смирнов, он очень, очень много сделал для нас, молодых.

— Как вы связаны с комсомольской организацией Дагестана?

— Обком комсомола у нас очень деятельный, много уделяет внимания росту творческой молодежи. Поэты, художники находят всегда большую поддержку.

Вячеслав КИСАРИМОВ, секретарь комсомольской организации локомотивного депо станции Ярославль:

— Я бы хотел поговорить о том, что нам, молодым людям, дает комсомол. Попробую показать это на своем примере, тем более что по ряду обстоятельств начинал я не лучшим образом.

Родился в деревне, в Ярославской области. Отец, получив на войне ранение, в 1961 году умер. Трудно было матери с нами: старшему брату пятнадцать лет, мне двенадцать, третий еще меньше. Меня усыновила тетка. Закончил я восьмой класс и поступил в железнодорожное училище. Там готовили слесарей по ремонту электровозов. Почему пошел? Потому что сосед железнодорожником был, да еще и то повлияло, что на железной дороге работали в основном мужчины. Это мне нравилось. В училище почувствовал себя взрослым, и представилась мне большая возможность для «самодеятельности». Жил, как жилось, считал, что делаю все правильно. Привело это к тому, что меня хотели из училища исключить. Но не исключили. Училище все же закончил, причем на «отлично».

Пошел работать. И тут уж на самом деле открылась, я бы сказал, больно широкая дорога — деньги в кармане, делай что хочешь, никому ни в чем отчета не даешь, сам себе хозяин. Ну, я и не терял этой возможности. Ходил на работу, когда хотел, считался только со своими желаниями. В результате вызвал меня начальник депо и предложил подать заявление об уходе по собственному желанию... И вот в этот-то момент комсомол, можно сказать, вошел в мою душу.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее, как это было.

— Ответить на такой вопрос непросто. Если бы я знал, как именно это произошло, то теперь мне, комсомольскому секретарю, было бы легче работать... Тогда я был очень далек от комсомольцев. Они сами пошли мне навстречу. Кто-то заметил, что я заинтересовался электрическими схемами электровоза,— помогли разобраться, вернее, заинтересовали еще больше. Потом кто-то устроил так, что я попал к Виктору Алексеевичу Егорову — а это замечательный человек, опытнейший специалист, наш наставник. Он меня, как говорится, разгадал. Я по характеру такой: не люблю, когда не знаю и не умею того, что знают и умеют мои друзья. Вот на этом-то и сыграли ради моей же пользы те, кто хотел мне добра. Короче, я с головой ушел в работу, так увлекся, что о прежней «самодеятельности» и думать забыл. И однажды я понял, что без комсомола мне больше не обойтись...

— Вы тогда же стали комсомольским работником?

— Нет, это произошло гораздо позже, произошло само собой. Просто я всегда был с ребятами — в кино, на речке, во всех делах. Так получалось, что многие ко мне обращались по всякому поводу — мало ли в чем бывает нужен совет, помощь? Для меня было большой неожиданностью, когда на собрании предложили избрать меня секретарем комсомольской организации локомотивного депо.

Ну, а сейчас работать мне легко. Я почти всех знаю, к любому подойду, и каждый меня поймет. Лучшего для себя просто не представляю. Был момент, когда я совсем уж собрался уходить — увлекся летным делом, окончил курсы подготовки. Подал в депо заявление. Никто меня не удерживал. Машинисты, слесари подходили ко мне, желали удачи — те самые, которые поставили меня на ноги. И тут я дрогнул...

— Вы сейчас учитесь?

— Быть руководителем комсомольской организации, а самому отставать... Так нельзя. Учусь на заочном отделении МИИТа.

Лариса ГРЕБЕНЩИКОВА, актриса Центрального детского театра:

— Мне очень интересно слушать то, о чем говорят здесь ребята. Ну, просто хочется их всех играть! Но я пока ничего существенного не сделала. Да и рассказывать о себе особенно нечего. Я всего второй сезон работаю в театре. Сыграла в «Шутниках» Островского Верочку, в «Антонине» Геннадия Малина заглавную роль. Сейчас репетирую «Майскую ночь». Снимаюсь в длинном-предлинном восьмисерийном телефильме, который называется «Такая короткая-длинная жизнь». Меня туда пригласили после того, как я сыграла роль Ули Громовой в «Молодой гвардии». Взрослые зрители его приняли очень хорошо. Но когда после спектакля мы пошли в школу и разговаривали с ребятами, то выяснилось, что старшеклассники видят в молодогвардейцах каких-то отвлеченных героев и никак не могут ощутить их своими сверстниками, такими же, как они сами. Мне думается, так происходит потому, что теперешние ребята привыкли: всегда кто-то за них все решает...

— Расскажите, Лариса, о себе. Как стали актрисой? Почему?

— Родилась я в Воронеже. Почему стала актрисой? Затрудняюсь ответить. По-моему, просто, как родилась, как стала что-то понимать, так и осознала — хочу быть актрисой. Мои родители протестовали, не пускали меня в Москву, всячески отговаривали. Но я была упорной, накопила денег и поехала в Москву — в ГИТИС. Меня не приняли. Очень огорчилась, решила уехать на комсомольскую стройку, но потом пошла в училище имени Щепкина — еще раз попытать счастья. И меня приняли!

Николай СЛЕПЦОВ, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры политэкономии Кемеровского университета:

— Мне бы хотелось поделиться некоторыми впечатлениями о нашей встрече. Я, как преподаватель вуза, считаю, что очень правильно пошел разговор у нас о роли молодого человека в современном обществе и его ответственности перед обществом. В стране очень вырос материальный уровень жизни народа. Если для старшего поколения по сравнению с тем, что было раньше, теперь все хорошо, то молодежь исходит не только из того, что уже есть, но и из того, что нам еще требуется. При неправильном воспитании у человека начинают преобладать потребительские интересы, появляется стремление получать побольше, да так, чтобы ничего не отдавать взамен.

Те успехи, о которых рассказали здесь ребята, показывают, что кое-что каждый из нас уже сделал в своей жизни и стоит на правильном пути. И каждый из нас в первую очередь обязан закрепить то, чего достиг. Хорошее начало — половина дела. Главное же у всех нас еще впереди.

Я окончил школу, институт, аспирантуру, получил степень кандидата экономических наук. Студенты у меня — мои же сверстники. Это, конечно, не просто, а особенно, когда встречаешься с заочниками, там люди намного старше. Серьезная психологическая нагрузка...

Меня никогда не покидает ощущение того, что еще многое нужно сделать.

— Сколько вам лет?

— Двадцать четыре.

— А сколько было, когда окончили школу?

— Шестнадцать.

— Что делает ваш отец?

— Рабочий хлебозавода в сельском районе.

— Какая была тема вашей диссертации?

— «Научно-технический прогресс и его воздействие на характер труда в сельском хозяйстве». Материалом послужила экономика Кемеровской области. Связь науки с производством — очень важная проблема. Участие молодежи в ее решении непрерывно возрастает. Уже сейчас в научной сфере производства занято более пятидесяти процентов людей в возрасте до тридцати лет. Им жить в XXI веке, и решение всех социально-экономических проблем ближайшего будущего ложится на их плечи. Вот какая огромная ответственность падает на нас, на нынешнее молодое поколение!

* * *

Да, им жить в двадцать первом! Они очень разные, шестнадцать молодых людей, составляющих маленькую частичку 34-миллионной комсомольской семьи. Но в их искренних, идущих от сердца рассказах пульс поколения, ему принадлежит грядущее нашего общества. И мы сегодня можем с уверенностью сказать: да, они наследники наши, плоть от плоти революционеров, открывших новую эру в Октябре семнадцатого.

Беседу записали Г. КУЛИКОВСКАЯ и Б. СМИРНОВ.

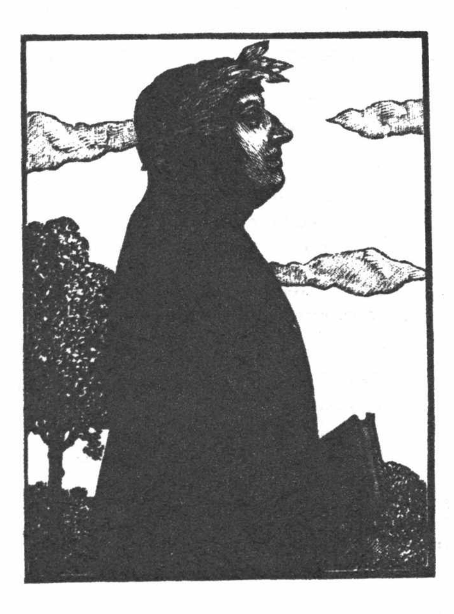
Франческо **ПЕТРАРКА**

К 670-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И 600-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

Франческо Петрарка вошел в историю родоначальником гуманистической культуры Возрождения. Он стал провозвестником идеалов свободы и мира, выступал за объединение и независимость своей родины — Италии.

В огромном творческом наследии Петрарки среди латинских фолиантов первого европейского гуманиста томик итальянских стихотворений занимает, казалось бы, незаметное место; но именно эта скромная книжка, составленная из стихотворений о великой безответной любви, из поэтических посланий к друзьям, политических канцон и стихов на случай, и поныне рождает живой отклик в сердцах благодарных читателей не только в Италии, но и далеко за ее пределами.

Предлагаем вниманию читателей новые переводы сонетов Петрарки.

Не раз, моя врагиня дорогая,
Я в знак того, что боя не приму,
Вам сердце предлагал, но вы к нему
Не снизошли, войну предпочитая.

О нем мечтает, может быть, другая,
Однако тщетно, не бывать тому:
Я не хозяин сердцу своему —
Подобно вам, его не признавая.

Когда оно, отвергнутое мной,
Чужое вам, не может быть одно,
Равно как предпочесть другие двери,

Мне кажется, не выдержит оно
Подобной жизни, и тому виной
Мы будем оба — правда, в разной мере.

* * *

Поверить бы, что смерть меня спасет
От злой любви, и не давать поруки,
Что на себя не наложу я руки,
Дабы повергнуть наземь тяжкий гнет!

Но знаю — это был бы переход
От слез к слезам, от муки к новой муке,
И, с жизнью приготовившись к разлуке,
Я — ни назад ни шагу, ни вперед.

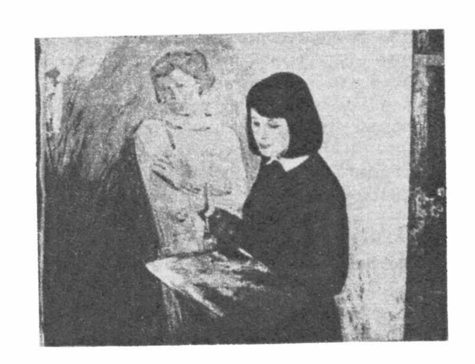
Для роковой стрелы пора приспела,
И я ее за счастие почту,
Не сомневаясь в точности прицела.

О чем еще Любовь просить и ту,
Что для меня белил не пожалела?
И как пробить мольбами глухоту?

Перевел Евгений **СОЛОНОВИЧ.**

УЛАНОВА

Владимир **СОЛОУХИН**

История народа — это во многом история его искусства.

В самом деле, насколько меньше мы знали бы, скажем, о французском народе, если бы не Вольтер и Бальзак, Гюго и Стендаль, Ренуар и Роден. Воздержусь от перечисления десятков имен писателей, композиторов, живописцев, артистов. Впрочем, все они не только «объяснили» нам французскую нацию, но в какой-то мере создали ее. В какой-то мере они и есть нация.

Бетховен и Гете, Шопен и Мицкевич, Дефо и Диккенс, Моцарт и Вагнер, Лист и Карузо, Сервантес и Рабле, художники Возрождения и вообще все великие художники — сотни имен — это история искусства, но это и история человечества.

Достоевский и Толстой, Шаляпин и Павлова, Чехов и Станиславский, Чайковский и Мусоргский, Рахманинов и Уланова... Это история нашего народа, история отечественного искусства, но это и наш вклад в общую сокровищницу человечества.

И вот оказывается, что история творится на наших глазах, мы видим воочию, как преходящее и сиюминутное становится вечным, откристаллизовывается в нетленные ценности. Кажется, не так давно прозвучало впервые имя неизвестной тогда Галины Улановой, а можем ли мы теперь представить отечественную культуру без этого имени? Да и мировую культуру вообще? Вместе с высочайшей техникой Уланова принесла в балет нежность, душевную глубину, доброту, просветленность. Но есть и еще одно значение этого имени в истории нашего искусства. Оно как бы пронесло эстафету, связало собой достижения и высоты русского классического балета с последующими десятилетиями, с новыми поколениями, с нынешним днем. Как в глубокой древности хранительница огня (была такая весьма ответственная должность) в бережных ладонях (и в сердце), Уланова пронесла сквозь времена огонь светлого искусства. Она сама говорит: «...в трудные 20-е годы в холодных классах училища мы постигали азы балетного искусства у знаменитого педагога Агриппины Яковлевны Вагановой. Сейчас в это трудно поверить, но тогда многие отрицали балет как искусство мертвое, эстетское, непонятное и ненужное народу. Но, на наше счастье, нас, молодую артистическую поросль, окружали композиторы, режиссеры, балетмейстеры, самозабвенно преданные искусству, умевшие видеть его далекую перспективу... И мы, молодые, стали их горячими сторонниками».

Передо мной три больших живописных портрета Галины Улановой — новая капитальная, можно сказать, работа художников Ольги и Леонида Тихомировых. Эти портреты в моем представлении невольно объединяются в одно целое, в триптих, в поэму о прославленной балерине.

Портрет такой артистки, как Уланова,— это ведь не просто изображение конкретной женщины, стольких-то лет, проживающей в Москве по такому-то адресу.

Великий артист на протяжении жизни создает много ярких образов, которые живут в сознании людей уже отдельно от их создателя. Борис Годунов и Мефистофель, созданные Шаляпиным, Барон — Качаловым, Ленский — Собиновым, Джульетта — Улановой... Но и образы создают артистов. Вернее, создавая разные образы, артист, художник создает и себя, обобщенного, иного, нежели в быту, в жизни. Из стихов Лермонтова вырастает перед нами личность поэта, возможно, иная, нежели Лермонтов на балу, на гусарской вечеринке, в общежитии. Возьмите полотна Сурикова, семь его основных полотен, и перед вами предстанет вылепившийся из ваших впечатлений от этих разных картин образ художника, который может совпасть, а может и не совпасть с представлением о конкретном человеке, ездившем по Москве на извозчике, пившем чай и т. д.

Задача живописцев Тихомировых и состояла в том, чтобы запечатлеть на холсте именно тот обобщенный образ Галины Улановой, который сотворился на протяжении всей ее артистической деятельности, а вернее сказать, сотворился этой деятельностью. В то же время образ должен был предстать перед нами в интерпретации данных живописцев.

Женственность, утонченность, высокая культура, внутреннее постоянное волнение, так контрастирующее с внешне спокойными позами, очарование, гармония...

Если допустить, что портреты увидел бы человек, разбирающийся в искусстве (и в людях), но не знающий, кто изображен, все равно он понял бы, что изображено прекрасное, великое, чистое, одухотворенное.

Эти три работы, хотя каждая из них может существовать и самостоятельно, смотрятся как три части одной поэмы — одна дополняет и обогащает другую.

Галина Уланова неразрывно связана с Большим театром. Галина Уланова и Большой театр неотделимы друг от друга. Поэтому — и тут во мне говорит старая публицистическая жилка — надо, чтобы этот триптих висел в фойе Большого театра.

Л. Тихомиров,
О. Тихомирова.

ГАЛИНА УЛАНОВА.

(Центральная часть триптиха).

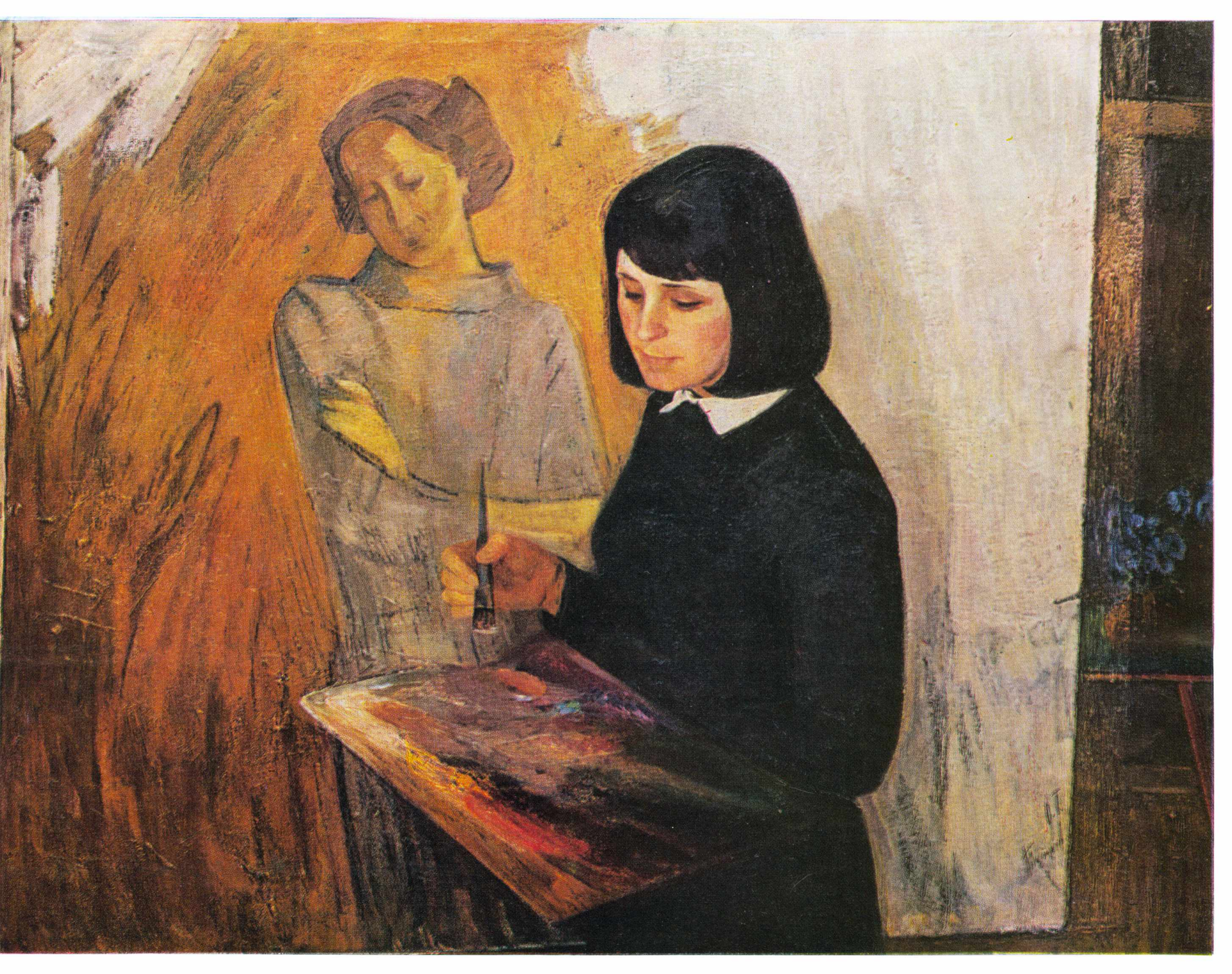

Л. Тихомиров,
О. Тихомирова.

ГАЛИНА УЛАНОВА.

(Левая часть триптиха).

Л. Тихомиров, О. Тихомирова. ХУДОЖНИК.

Правая часть триптиха.

ЛОЗА

Николай БЫКОВ

Молодое лето переступило порог июня.

Благословенна земля, благословенны сады и виноградники Молдавии! Давно улеглись метели затяжного трудного цветения. И притихли под солнцем старые и молодые лозы в ожидании первой тяжести народившихся гроздей...

Афанасий Кириллович Палазов улетал в Москву рано утром. На первую сессию нового созыва Верховного Совета СССР. За стеклом машины стремительно промелькнули зеленые кодры, земля Каларашского района... Но нелегко было переключиться с мыслей о повседневном на то, что давно бы пора сделать — подвести самые первые итоги огромной реорганизации производства в хозяйствах Каларашской зоны. Палазов — генеральный директор нового аграрно-производственного объединения, коммунист, гагауз по национальности, Герой Социалистического Труда... Он думал о совхозах-заводах, о судьбе лозы, о выборе, который сделан, который определяет отныне усилия виноградарей на долгие годы. Но все по порядку.

Есть короткая пора весною, когда молдаване говорят: лук брынзу поджидает! Это когда на обеденном столе уже обычны охапки сочных зеленых стрел, а овцы только-только объягнились, их еще не доят и брынза не готова. Но именно в те недолгие и быстротечные дни предвесенья необычайно убыстрялись нынче работы на виноградниках Молдавии. Десятки операций каждый год надо успеть проделать непременно до главного летнего тепла, пока еще молодо движение сока в лозе, пока не заработали насосы корневой системы на всю свою проектную мощь.

Особое, острое восприятие весенней новизны и нахлынувших летних забот — отличительная черта людей, работающих на земле, под открытым небом. Вот почему с таким нетерпением ждали в Молдавии дождей (их, говорят, не было здесь с мая минувшего года).

Это очень важно — помнить, какою выдалась весна. Каким было начало начал. Но куда важнее иная примета нынешнего года в Молдавии. Республика обратила на себя внимание перестроением сельскохозяйственных подразделений. Делается это во исполнение программы комплексного развития нашего сельского хозяйства. Отныне оно должно покоиться, как Земля в домагеллановом представлении, на трех китах — специализация, концентрация, кооперация.

Магистральный путь! Он берет начало с того самого простого кооперирования мелких крестьянских хозяйств, которое зародилось в первые годы после завоевания политической власти рабочими и крестьянами. Владимир Ильич Ленин в 1923 году в статье «О кооперации» писал:

«Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тожественен... с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». И далее: «...культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве». Полное кооперирование — вот мечта, и завещание, и практическая программа Ленина. Полное кооперирование в те годы было невозможно без целой культурной революции, ибо мы, как писал Ильич, безграмотны.

Так было. И понадобились годы и годы, чтобы с новой силой убежденности поднять сегодня вопрос о следующем этапе кооперирования в сельском хозяйстве, качественно отличном от всего предшествующего опыта. Место людей заняли электромоторы, машины, доильные установки, мощные тракторы. Индустриализация даже в таком первоначальном виде требует иной — инженерной — организации труда. Отрасли сельского хозяйства стали обособляться, укрупняться, кооперироваться побригадно, посовхозно, порайонно. Поле и ферма, насыщенные механизмами, подчиненные строгим законам технологии, стали порой напоминать цеха комбинатов, где каждый гектар, каждое растение, корову или несушку рассматривают отныне как живую машину, выдающую либо сырье, либо конечную продукцию. Былые крестьянские эмоции отступают, диктует технологический ритм.

Родились агропромышленные комплексы. Идея ленинского кооперативного плана получила мощный импульс к дальнейшему развитию. Но как много все еще остается нерешенных проблем! Прежде всего поражает пестрота урожайности, пестрота экономического развития хозяйств. Кто не знает у нас знаменитых колхозов и совхозов, лидирующих в экономике. В то же время рядом с ними многие хозяйства не добились самоокупаемости некоторых своих отраслей, они не в силах до сих пор извлечь выгоду из интенсификации производства, не могут взять на вооружение последние научно-технические новинки, не могут полностью реализовать даже те возможности, которые созданы в последние годы политикой партии. А тем временем набравшие скорость уходят вперед. Экономические и производственные интересы, логика передовой технологии ломают даже рамки административных районов. В апреле в Молдавии создали союзно-республиканское Аграрно-промышленное объединение Совета Министров Молдавской ССР по виноградарству и виноделию.

Перестройка одной из основных отраслей народного хозяйства республики завершена. Нечто похожее происходит и в других отраслях, особенно бурно развиваются в Молдавии животноводческие комплексы. Деловая атмосфера, передовая технология толкают партнеров к поиску, к самым, казалось бы, невозможным еще вчера экономическим связям. Объединяются колхозы. Более того, колхозы объединяются на сугубо деловой, финансово-производственной основе даже с государственными предприятиями. И еще. В республике и Совет колхозов стал организационным, координирующим все новации штабом. Здесь Совет взял на себя плановые, финансовые, снабженческие и другие заботы и права.

Короче, сейчас в Молдавии насчитываются сотни специализированных агропромышленных комплексов, межколхозных предприятий и объединений, а также совхозов-заводов. Пожалуй, самые мощные — это упомянутое уже Аграрно-промышленное объединение Совета Министров МССР по виноградарству и виноделию (вместо «Молдвинпрома») и республиканское научно-производственное объединение «Колхозживпром». Последнее имеет крупные комплексы по производству свинины, говядины, по выращиванию молодняка, комбикормовые заводы, цеха гранулированных кормов — всего около ста семидесяти комплексов и предприятий. Они уже в прошлом году продали семьдесят процентов мяса, произведенного в республике. Создана мясная индустрия—иначе не скажешь! Кстати, создана она — и это принципиально важно подчеркнуть — на деньги колхозов, без привлечения государственных капиталовложений. И в этом году колхозы республики, которым предстоит построить еще около пятидесяти животноводческих комплексов, отсчитали из своих касс более семидесяти миллионов рублей. Конечно, с надеждой, что прибыль превысит затраты, а хозяйства-пайщики заживут и лучше и веселее.

А вот Каларашское объединение не имеет ни одного колхоза. То есть в районе еще два года назад были колхозы, а теперь все двадцать три хозяйства приведены к «единой присяге» — отныне это совхозы-заводы. В районе одно аграрно-производственное объединение. Район-объединение! Все подчинено винограду и виноградникам. Кто бы кем бы и где бы ни работал — все дела и помыслы человека в Калараше связаны так или иначе с реализацией конечной продукции садов и виноградников.

Каларашская зона — это кодры. Горы, опушенные лесами, теплые склоны, долины, вернее, чаши, словно самим богом предназначенные для виноградников. Крестьяне давным-давно знали об этом предназначении земли, неудобной и бедноватой. И всегда имели свои крошечные виноградники. И бывшие колхозы тоже имели виноградники — около трехсот участков! Но каких? Одни лучше, другие хуже. Богатством общественного хозяйства хвалиться было рано. Многие колхозы были должниками вплоть до 1972 года.

Да к тому же беда нагрянула нежданно — на редкость жестокая зима 1971/72 года. Помню и я черные виноградники в мае... Но беда не приходит одна. Земля на склонах вдруг двинулась, стала уходить из-под ног, из-под колес, из-под гусениц тракторов. Оползни!.. До сего времени видны на землях Калараша страшные разрывы, провалы, сдвиги дорог, плантаций, улиц...

Хозяйства района объединились в одну семью в самое тяжелое для них время. Во главе аграрно-производственного объединения стал опытнейший хозяин, недавний председатель колхоза,— Герой Социалистического Труда Афанасий Кириллович Палазов. И директора совхозов и генеральный директор объединения вместе постигали азы ведения огромнейшего, многосложного хозяйства, заключенного в рамки государственного предприятия. Иного подхода отныне требовали организационные и финансовые вопросы; практика колхозной демократии переводилась на рельсы государственной, заводской дисциплины; производство потребовало особой ритмичности, концентрации средств, усилий специалистов. Как когда-то трудно было единоличнику отказаться от своего мироощущения, так теперь нелегко, ох, нелегко колхозникам и бывшим председателям колхозов привыкать к новому, когда все действия должны быть подчинены производственному плану объединения, а значит, района в целом.

С первым секретарем Каларашского райкома партии Валерием Павловичем Челаном я познакомился в кабинете Палазова. Валерий Павлович, совсем молодой еще, энергичный человек, с первых слов дал понять, насколько упростилось управление хозяйствами после столь решительной реорганизации. Он увлеченно рассказывал о том, что удалось сделать за год-полтора, и о том, что нового сулит создание аграрно-производственного объединения в такой интересной зоне, как каларашская.

— Только теперь мы получили возможность четко использовать неповторимые особенности природных условий Калараша,— рассказал Валерий Павлович.— Чего только нам не планировали! С огромным процентом неудоби, с крутизной склонов, с сумасшед-

шим рельефом никто не считался!.. А тут еще морозы. Кладбища были, а не виноградники. Сейчас хозяйства восстанавливают их с огромным энтузиазмом. Все внимание — винограду. Ах, какой у нас чернослив!.. Афанасий Кириллович, найдем землю для сливы?

Палазов смеется.

— Обязательно! Уже нашли две тысячи гектаров. Новые сорта с большим содержанием сахара.

Валерий Павлович уточнил:

— И виноградники и сады заложили на качественно иной основе. По-научному. Строго следуя рекомендациям ученых. Окрестности Калараша обрели новый, я бы сказал, индустриальный вид. По всем склонам — массивы, означенные заводской шпалерой. Каждый массив — отдельный сорт винограда или фруктовых деревьев.

— В будущем будет у наших хозяйств сортовая специализация, чтобы каждый совхоз-завод объединения давал свои марки вина,— вслух помечтал генеральный директор.

Сколько бы ни вились пыльные дороги, всюду четкая графика новых промышленных виноградников. Где уж на этих склонах трактору с зерновой сеялкой — риск страшенный... А виноградники легко взбегают под самое небо! Южный склон — изабелла, северный — яблони и слива.

Афанасий Кириллович хорошо помнит, сколько денег порой терял колхоз: обычно хозяйство отвозило виноград на завод или винопункт, и с ним рассчитывались безбожно скупо, как за поставку сырья, да еще самого низкого качества (определяли низкую сахаристость, уличали в сортосмеси).

— Теперь хозяин один,— с удовлетворением повторял не однажды генеральный директор Палазов.— Знали бы вы, сколько теряло государство на стыках разных ведомств! Пока наша продукция дойдет до горожанина, бывало, ее раз десять утрясут, усушат. Каждая перевалка — убыток государству, снижение качества. До сих пор в некоторых районах бок о бок живут хозяйства, подчиненные разным ведомствам. В нашем районе — одно хозяйство, наше объединение! И все те миллионы рублей, принадлежащих крестьянам, производителям винограда, мяса, хлеба, которые раньше оседали у бесчисленных заготовителей и оптовиков, теперь идут в бюджет государства, в наш районный бюджет, на дальнейшее строительство самих хозяйств. А идея проста, в общем-то ничего нового: земле производящей нужен один хозяин!

Сущность кооперации — складчина. Пайщики объединяют капиталы с тем, чтобы при удачной реализации продукции поделить прибыль. И еще понял я в Калараше. Кое-кто поначалу предлагал объединить только сильные хозяйства. И это предложение казалось естественным: сильным легче уйти вперед по дороге экономического развития. Так вот генеральный директор в Калараше сразу же после назначения отказался от заманчивой идеи. Он понимал необычный эксперимент как возможность перевести на рельсы индустрии все хозяйства района— и сильные и слабые. Никого не оставлять на обочине дороги!

Афанасий Кириллович Палазов — очень интересный человек. Чувствуешь за его скупой, немногословной речью огромное накопление опыта, мыслей, требующих практической реализации. Палазовский характер человека делового как бы окрыляется устремленностью, молодым нетерпением первого секретаря райкома партии Валерия Павловича. А забота у них теперь общая: эксперимент, на который решился район, должен быть удачным. Непременно!

Валерий Павлович как-то обронил: «Плохой колхоз — лямка района». Однако боюсь, что «лямки» еще остались. Как рассказал мне главный плановик объединения Анатолий Семенович Бондарь, государственные капитальные вложения возросли раза в полтора. Это только за год. А за три года пятилетки хозяйства объединения получили от государства средств вдвое больше, чем все колхозы вложили в землю за предыдущую пятилетку. Государство помогало заложить виноградники — более четырех тысяч гектаров за два последних года! Все это перечисляется мною к тому, что рубль, каждый вложенный рубль должен как раз теперь дать прибыль. Объединение взяло на себя и финансирование, и подготовку строительной документации, и транспортировку урожая, и комплектование совхозов-заводов оборудованием, и связь с институтами... Но лямки, лямки старого еще тянут! Многие виноградники требуют решительного ремонта. Некоторые хозяйства, приобретшие новую вывеску «совхоз-завод», не спешат определиться со специализацией, продукция у них второсортная, да и организация труда противоречит новой технологии. Самая же главная беда: люди отвыкли анализировать собственные затраты труда и средств, без чего немыслимо работать эффективно. Анализ, в свою очередь, требует и знаний, и обостренного чувства самоконтроля, и способности преодолеть благоприобретенное «я человек маленький, начальству виднее». Хозрасчет каждого нарекает хозяином!

Возникают проблемы не только чисто человеческие, но и организационные. Вот создано в республике Аграрно-промышленное объединение Совета Министров республики, а ведь оно лишь распределяет средства, полученные от союзного министерства. Природа научно-производственных объединений и министерств, главков, прочих учреждений, не связанных с зелеными цехами под открытым небом, различна, а подчиненность первых вторым все еще сохраняется. Или еще. В Каларашском районе, например, сохраняется райконтора «Сельхозтехники», хотя ни одного хозяйства не осталось вне объединения.

Пронеслась, отзвенела над кодрами новь четвертой весны пятилетки. Предзелень лоз, изжелта клубившаяся в кодрах, обернулась сочной, широколопастной листвою. И скоро, быть может, разгладятся морщинки на лице Палазова, а Валерий Павлович Челан поздравит генерального директора с первым его успехом. А пока, пока... Как говорят мастера коньячного цеха, пока спирт работает с дубовой клепкой! Работает. И мешать ему нельзя. В новом деле нужна многолетняя выдержка.

ЗЕМЛЯК ПРИЕХАЛ

Р. ЕРМОЛЬЕВА

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

В кабинет главного архитектора вошла секретарь Вероника. Обычно она появлялась неслышно, придерживая тяжелую дверь, норовившую захлопнуться, а на этот раз не справилась с ней. Главный архитектор недовольно приподнял седую голову.

— Денис Иванович! — взволнованно сказала Вероника.— Какой-то человек прорывается к вам, а кто такой и зачем, не говорит. Шуточками отделывается, руками размахивает и твердит (Вероника показала, как посетитель размахивает руками): «Ежели ваш Денис Иванович действительно Денис, то он, девушка, самолично должен меня узнать, потому как я самый настоящий его земляк». Сомневается, как будто вы не Денис... Иванович,— торопливо добавила Вероника.— Что же делать?

Вид у Вероники был такой растерянный, что Денис Иванович невольно улыбнулся и настроился на благодушный лад.

— Тяжелый случай! Видимо, все же придется принять. Такое бывает не каждый день. Из моей Антоновки, честно говоря, ко мне еще никто не приезжал. Далеко отсюда... Стоит село от железнодорожного разъезда километрах в пятидесяти. Какой он из себя, этот земляк?

Вероника подняла над головой руку.

— Вот такой.

— С колокольню Ивана Великого? — пошутил Денис Иванович.

— Что вы! — смутилась секретарша.— Поменьше.

— В дверь-то пройдет?

— Пройдет, Денис Иванович,— рассмеялась Вероника.

— Тогда пусть проходит.

В дверях показался статный мужчина, действительно выше среднего роста, в отлично сшитом костюме, на груди его поблескивал орден Трудового Красного Знамени.

Назвавший себя земляком улыбался, видно, сразу признав в Денисе Ивановиче того, к кому шел.

Несколько секунд Денис Иванович смотрел, стараясь припомнить знакомую фигуру.

— Не знаю, как и называть тебя: на «ты», или на «вы», или по должности — товарищ главный архитектор? — проговорил земляк, приближаясь к столу.

— Федор? Дубовик! — воскликнул, поднимаясь, Денис Иванович.— Никак ты, дружище? Смотри, как вымахал! Не то что мы, горожане, в дыму задыхаемся.

— А кто вам велит? Приезжайте к нам, всем места хватит.

Земляки обнялись. По-мужски похлопали друг друга по спине.

— Ну как, постарел я?

— Комплиментов делать не буду. Да и я не отстал от тебя.

— Что верно, то верно,— согласился Денис Иванович.— Разница в два года, а я тебя только по голосу признал. Глаза да голос, говорят, не меняются. Прошу,— показал Денис Иванович рукой на кресло.

Дубовик поудобнее устроился в кресле. Оглядел кабинет.

— Богато живешь,— сказал он не то восторженно, не то с осуждением.— Ишь какой кабинетище! У меня, признаться, куда меньше, и без телевизора. Не забыл еще правление колхоза «Светлый путь»?

— Помню. У церкви. В бывшей кулацкой хате.

— Верно. Только давно это было. Новый дом для правления отстроили.

— Постой! Так ты теперь председатель?

— Как с фронта пришел, так и выбрали. После войны мало кто вернулся в Антоновку... Изменилась за это время деревня — все новое. Школу, больницу выстроили, за клуб беремся. Культурнее жить хотим. Народ стал образованный.

«Так и есть. И этот с просьбой,— с огорчением подумал Денис Иванович.— Все с просьбами... Но отказать, конечно, будет неудобно...»

— Так в чем нужда у тебя? — спросил он.

— Лично я ни в чем не нуждаюсь.

— Я колхоз имею в виду.

— Сам знаешь, как выросли потребности людей. С деньгами теперь. Принарядился мужик в деревне. Все при часах, не то что до войны диковина была. Шапки, как их там называют, меховые... ондатровые. Глянешь иной час в окно, думаешь, начальство пожаловало, а это звеньевой вышагивает. Прошлым летом заграничная делегация приезжала, так они все пиджаки у наших хлопцев щупали. Интересовались: чей это товар? А костюмы ребята в районном ателье шили. Привези десятки «Москвичей» или «Жигулей» — за любую цену возьмут и не поморщатся...

— Ни «Москвичей», ни «Жигулей», к сожалению, достать не могу,— сказал архитектор.— Проси что-либо другое. Только реальное, что в моих силах.

Дубовик настороженно посмотрел на Дениса Ивановича.

— Это ты всерьез?

— Да ты не стесняйся, говори. Что могу, готов сделать. Все же мы с тобой друзья детства.

— А что, так запросто к тебе прийти нельзя?

— Можно, конечно... Но так просто ко мне обычно не приходят. Всем чего-нибудь надо, вот и идут. Я уж привык. Так что выкладывай, что там у тебя?

— Вот этого, Денис, я и боялся.

— Чего «этого»?

— А то, что ты меня за просителя примешь.

— Но ведь я от всей души, Федор.

— Я ведь тоже, Денис, вроде в начальстве хожу. И ко мне все больше с просьбами приходят... Начальству все решать приходится. А к тебе я просто так зашел, случай выдался, давненько не виделись. На совещание передовиков сельского хозяйства вызвали. Перед отъездом, дай, думаю, зайду, посмотрю, каким Денис стал. Поди и не признает. У нас в деревне говорят: к тебе и на тройке теперь не подъедешь.

Денис Иванович слегка наклонил голову.

— А что, не забыли еще меня? — смущенно спросил он.

— У нас ведь, знаешь, как заведено? Ушел кто из села, а мы следим: где проживает, кем стал? Человеком или еще кем... Ежели человеком, гордимся. Наш! Антоновский! Вот и тебя помним. Гордимся. В пример тебя молодежи ставим. Вот, мол, какой у нас знатный земляк. Все знает. Все может. Если, конечно, захочет...— многозначительно закончил Федор Игнатьевич.

— Ты вот сказал: за клуб беретесь. Может, моя помощь нужна? Я с удовольствием, что в моих силах...

— Хотели обратиться, да обошлись. Говорили земляки: «Попроси Дениса, подсобит, чтоб дешевле и хорошо было». А потом посмотрели в одном районе Дом культуры и решили по такому же проекту построить. Колхоз не бедный, осилим. Так что спасибо, Денис.

Денису Ивановичу стало не по себе. Он взволнованно слушал Федора. Деревня проплывала перед глазами. Луга, речка, словно голубая лента, вилась среди золотистых полей, разделяя поле на две части, из-за чего велся давнишний спор с соседним колхозом. Те хотели левый берег приобщить к себе, а антоновцы не отдавали...

Дубовик заметил, что взгляд Дениса Ивановича стал задумчивый, отвлеченный.

— Извини, пожалуйста! У тебя дела, а я развалился в кресле и плету тебе черт те что.

— Это ты меня извини. За делами действительно забываешь о том, что где-то там, далеко в твоем детстве, осталось то, чего нельзя забыть. Скажи, Федор, а яблоки не перевелись в селе?

— Шумят сады! По вечерам в начале мая от цвета яблонь опьянеть можно.

Главный архитектор посмотрел на часы.

— Давай поедем ко мне на дачу. Посидим, потолкуем. Жена будет рада, дети.

— Спасибо за приглашение. Я ведь ненадолго зашел, поезд скоро уходит.

— Уедешь завтра.

— Не могу. Меня тоже дела ждут. Время горячее, уборка скоро. А ты приезжай к нам. Многого, правда, еще недостает в деревне, но забота о человеке у нас на первом плане. Дай человеку условия, он и работать будет за двоих. Приезжай к нам в отпуск. Забирай жену и приезжайте. Мы тебе все условия создадим... Шалашик на берегу речки поставим, места у нас рыбные. Отдохнешь. Свежим воздухом подышишь, парное молоко попьешь. Бледный ты какой-то, Денис...— Дубовик взглянул на часы.— Ой, опаздываю, а мне еще в гостиницу надо за чемоданом заскочить.

Денис Иванович нажал кнопку звонка. В кабинет вошла Вероника.

— Вызовите мою машину.

— Не беспокойся, Денис. Меня машина ждет.

— Что ж я не могу для тебя ничего сделать?! Как-никак, а ты мой гость. Останься, Федор!

— Не обманываю я тебя. Поезд через час уходит. Я у тебя теперь в долгу. Вон сколько времени отнял.— И он еще раз посмотрел на часы.— Приедешь в Антоновку, поговорим по душам. Прощай!

Долго Денис Иванович ощущал крепкое пожатие шероховатой руки председателя колхоза «Светлый путь».

«Поеду, непременно поеду в Антоновку»,— подумал Денис Иванович и, глубоко вздохнув, ощутил запах скошенной травы.

Девиз комсомолки Татьяны Здоровой: полторы нормы в смену!

БОЙ ЗА З

Плечом к плечу.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

ЕРНО

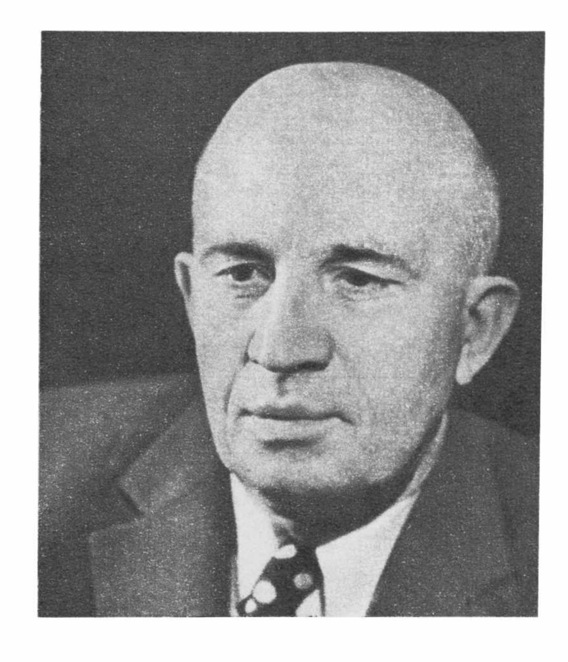
Все выше на север поднимается линия уборки хлебов. Горячая пора летней страды позвала на нивы тысячи механизаторов, водителей, всех работников сельского хозяйства. Четвертая жатва пятилетки уже назвала своих героев.

В крымском колхозе имени Ленина, Красногвардейского района, утвердилась традиция: перед началом страды самый молодой комбайнер вручает старейшему каравай. Вот уже несколько лет подряд этот каравай принимает Петр Васильевич Гирченко, кавалер ордена Ленина. В нынешнем году он получил его из рук демобилизованного воина Михаила Радченко.

И начался бой за зерно!

К 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ГРИГОЛА АБАШИДЗЕ

ВОЗРАСТ ПОЭТА

Александр МЕЖИРОВ

Хорошо помню первую встречу.

Мы познакомились более четверти века назад. Где-то в Тбилиси, в жарчайший летний день. В самом начале Верийского спуска я увидел неторопливого, внешне спокойного человека, с крупными, запоминающимися чертами лица, на котором лежала уже тогда нелегкая печать раннего знания. Но глаза были оживленные, как бы улыбающиеся собеседнику, чувствующие все с первого взгляда. Я много слышал о Григоле Абашидзе, читал его стихи и поэмы и знал, что это один из самых известных, маститых поэтов Грузии, и я удивился, что он так молод. С того времени утекло немало воды. Но встречи наши всегда похожи на первую. Та же неторопливость, спокойствие, та же дружественность разговора и общения.

В молодости Г. Абашидзе написал замечательные поэмы «Весна в черном городе», «Видения Зарзмы», «Георгий шестой». Развивался ли с тех пор талант поэта? Конечно, развивался. Вот только само слово «развитие» плохо выражает смысл литературных процессов. Ранняя лирика Г. Абашидзе конца 30-х — начала 40-х годов и совсем новые стихи связаны одним длинным дыханием страсти, непреложным внутренним единством, объединены талантом скромности, столь редким не только в литературе, но и в жизни. Все это было дано изначально и обогащалось постепенно. Так возник стиль — сдержанность и правдивость. А развитие... «Век может идти себе вперед, науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться... поэзия остается на одном месте... Цель ее одна, средства те же...» (Пушкин).

Стих Г. Абашидзе отмечен стилистической неуязвимостью, природным мастерством, непрестанным стремлением к совершенству. Детали не приобретают самодовлеющей силы, не мешают чувству поэтически осмыслить себя.

Обнять весь мир. Забыть, что он громаден.
Как в малой капле, отразиться в нем.
Работа — мост из шатких перекладин.
А молодость — всегда игра с огнем.

По шаткому — беги! Чтобы окрепло
Твое дыханье в муках и в пыли.
Сгори дотла, стань бедной горстью пепла,
Но берегись — крыла не опали!

(Перевод П. Антокольского.)

Творческие замыслы поэта не обнажены, а уходят корнями в почву жизни. В его лирике нет назойливо-лирической интонации, без которой вообще лучше обходиться. Нет ничего демонстративно вдохновенного. Нет излишнего внимания к самому себе. Поэт не думает о впечатлении, которое производит его слова. Просто ум и сердце всегда в согласии: они остро понимают и чувствуют неисчерпаемую таинственность повседневности. Кто-то сказал, что хорошо придуманной истории незачем походить на действительную жизнь, ибо жизнь изо всех сил старается походить на хорошо придуманную историю, и что бесстрашная мысль, изнурительная страсть стоят труда, потраченного на них, только если они облачены в прекрасные одежды. Фантазия поэта беспредельна, но она никогда не искажает форм жизни. Г. Абашидзе умеет чуть со стороны взглянуть на пережитое, преодолеть бытовизм и напряжением творческой воли подняться над прозой.

От жадности татар изнемогая
И под ярмом персидским исступлен,
Он даже спал, кольчуги не снимая,
И за столом в стальной рубашке он.

Сто раз по нем турецкого аскера
Меч ударял, и на челе рубцы —
Свидетели, какой тяжелой мерой,
Победу взяв, он воздвигал дворцы.

И, возвращаясь после жаркой сечи,
Лишь холодом кольчуги освежен,
Весь начеку, вобрав, как ястреб, плечи,
Ждал: всюду враг в засаде затаен.

Пахал ли он, у лоз менял тростины,
Работал ли, иль пировал, когда
Справлял обычай, милый и старинный,
Свой щит и меч с собой носил всегда!

Язык и веру многие сменили,
Лишь он один всей верностью крылат.
Он строил храм — в кольчуге плечи были.
Писал о тигре книгу — в блеске лат...

(Перевод Н. Тихонова.)

Если человеку есть что сказать, он редко говорит громко. Крайние взгляды чаще всего присущи людям переменчивых суждений. Григолу Абашидзе всегда было что сказать, а целостное миросозерцание его, гармонический характер дарования чуждались крайностей. Он поэт врожденного идеала, поэт совести, которая никогда не спит. Самые опасные люди—это те, в ком совесть сперва спит, потом пробуждается,— она может опять уснуть. Врожденный идеал сам по себе исключает возможность попеременного сна и пробуждения совести.

Г. Абашидзе — мудрый советчик и друг. Он никогда не поучает, не навязывает своих взглядов на жизнь, но в самом общении с ним постоянно заложена возможность духовного обогащения. Именно так относятся к нему грузинские писатели разных поколений, чей Союз он возглавляет.

Круг творческих интересов и занятий Г. Абашидзе поистине беспределен. Автор драгоценных по красоте и силе лирических стихотворений, поэм, исторических романов, блистательных переводов из Ш. Петефи, публицист и критик, знаток истории и зарубежной литературы, Григол Абашидзе — достойный наследник многовековой культуры грузинского народа.

И его исторические романы — о культуре страны, о подвиге и подъеме культуры, а не о царях. «В них есть широта миропонимания, которая достигнута в результате знания сложной истории Грузии; это книги глубокого дыхания» (В. Шкловский).

60 лет молодостью не назовешь. Да и нет в этом никакой надобности, потому что, размышляя о юбиляре, о бодрости его творческого духа, я вспоминаю слова древнего мудреца: старость — это награда.

ПРИ

Людмила ШАМЕНКОВА

ЖЁЛТЫЙ ДЕНЬ

В Пярну, на улице Рооси,
Справляется желтый день.
Близится чуткая осень,
Шепчет: пальто надень.
Я подчинюсь приказу,
Свитер на мне шерстяной,
А у калитки, озябнув,
Клонится шар золотой,
Стынут крахмальные лужи,
В ямах дороги застыв,
Выглядят тоньше и у́же
Тени холодной травы.
Солнце не жжет, болезнен
Свет его желтых лучей.
Ветреный пляж бесполезен,
Изрезан следами ступней.
Ветер шатает березы,
А яблокам падать лень,
В Пярну, на улице Рооси,
Справляется желтый день.

В МУЗЕЕ ИМЕНИ БАХРУШИНА

Незваные, нежданные,
Случайные старушечки
Собрались, чтоб Нежданову
Послушать у Бахрушина

В музее, где коронные
Певцов хранятся арии,
Где твердые, картонные
На стенах фотографии.

Здесь пахнет фортепьяновым
Сукном, давно изъеденным,
И жестки в шелке траурном
Цилиндры из «Онегина».

Здесь все доносит веянье
Мазурок, перьев, бархата
И плавны взмахи веера
В руках прелестных Барсовой.

Отпевшее за рампою,
Знававшее овации,
Теперь в стекло зарамлено,
Как средство информации.

И ходят соглядатаи
Былых восторгов пламенных,
Сверяя с экспонатами
Картины зыбкой памяти.

ВОЗРАСТ КАТАСТРОФ

Жест бунтарский, свойственный девичеству,
Безголосый, выскользнул из рук.
Как жесток ты, противоречивости,
Несогласья, мытарств и разлук,
Дерзких сцен, воинственной картинности,

ЗНАНЬЕ ПАМЯТИ

Убеганий, взрывов, резких слов,
Странных снов, смущенья и слезливости,
Как жесток ты, возраст катастроф...
Жест молящий, тянущийся к близости,
«Да!» стремится птицей с языка.
Но покорность равноценна низости
И в испуге «Нет!» издалека.
Острый горбик худенького плечика
Сморщил кофту, тронь — сейчас кольнет...
Возраст горький, две руки на клетчатом...
Да не плачь ты, милая,
пройдет.

СНЕГ

Средь озабоченного дня,
Свои тревоги затаившего,
Он шел, как говорится, зря,
Как что-то милое, но лишнее.
Он падал просто, без затей,
И в нем нужды особой не было.
Он был, пожалуй, для детей,
Для их познанья цвета белого.
Он опускался тише грез,
Таивших ожиданье таянья.
Он был неясен, как вопрос,
И трогателен, как раскаянье.

Он падал так, ни для чего.
И в этом вечный смысл его.

ДЕНИСЬЕВА — ТЮТЧЕВ

Я перечла стихи-признанья.
То каялся, что не любил,
То славил глаз ее сиянье,
То плакал, что ее сгубил.

Все вынесла она, стерпела,
Как ни кружилось воронье.
А он, хоть совесть и болела,
Пел бескорыстие ее.

Мне дела нет, как это вышло,
Он гений, век его простит.
А все-таки судьба погибшей
На совести его лежит.

В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ГОСТИНИЦЕ

Гостиниц маленьких уклад:
То скрип дверей,
То тихий шорох
И, как бубенчики, висят
Помпоны красные на шторах.
В любое время постучи —
Хозяйка добрая хлопочет.
И в шкафчике висят ключи,
И чайник на печи клокочет.
Как я любила эти дни
Непреднамеренных блужданий,
Пристанционные огни,
Машин случайных ожиданье.
Но, начиная с толчеи
У рельс трамвайных, у вокзала,
Я понимала: тут свои —
И путь к гостинице искала.
А там — уютный жар дымка,
Благословенная морока —
Прикосновенье утюга
К белью, внесенному с мороза.
И где-то — нежная Жизель,
Москва, родня, уют дивана.
Но выйдет заспанный жилец
С зеленым чайником к титану,
И снова вспомнишь: ты в Унте.
Огромный фикус, как секвойя.
И женщина в цветном платке
О чем-то спорит со свекровью.
А утром снова шум и чад.
Встают шофер, путеец, лектор.
В сторонке громко говорят
Колхозница и местный лекарь.
И дом уже почти родной,
И как-то ощутимей радость...
Но надо ехать, и со мной
Прощаться вышел регистратор.

* * *

Мы шли по главной магистрали,
И было нам не до игры.
В витринах мясники вздымали
Над красным мясом топоры.

Толпа, плывущая навстречу,
Ершилась спицами зонтов,
Плащами хлопающий ветер,
Шурша, юлил среди домов.

Ты в нелюбви мне объяснялся,
Краснел, стараясь чутким быть,
И неназойливо пытался
Меня как друга сохранить.

Покуда длилась эта кража,
Упрямо видели глаза
В одежде встречных — грубость пряжек,
А в окнах — взмахи топора.

ДОНОРСКИЙ ПУНКТ

У Никитских ворот, за ТАССом,
Стоит трехэтажный дом.
Он, может, не первого класса,
И есть что-то барское в нем.

На внешней стене, вдоль фронтона,—
Головки точеные в ряд.
Над ними — лепные короны,
Как дольки ракушек, висят.

Под «чепчиком» все изваянья
И лица себя сберегли.
Божественных качеств сиянье
Они и до нас донесли.

Не многие, может быть, знают
Тот легкий, щемящий испуг:
В войну в этом каменном зданье
Действовал донорский пункт.

Сюда иногда прибегала
Девчонка в платочке худом
И локоть, дрожа, подставляла,
Резиновым сжатый жгутом.

У Райки отца убило,
Осталась она одна.
А Райке шестнадцать было,
Хотела учиться она.

Об этом никто не помнит,
Хоть кровь ее в ком-то кипит.
Лишь странною тайной исполнен
Каменный взгляд Афродит.

РОДИОНОВНЫ

На вокзале, в зале ожиданья,
Средь узлов и наклоненных спин
Вдруг мелькнет печальный, как прощанье,
Русский образ нянюшек Арин.

Из глухих, безвестных деревушек,
Из поселков малых величин —
Что-то есть хватающее душу,
В сущности, без видимых причин.

В чем же тайна этой странной притчи,
Горькой, как опавшая листва?
Почему в цветочках мелких ситчик
Дышит ощущением родства?

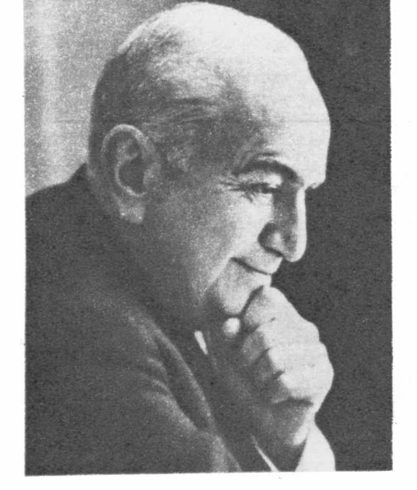
Может, потому с таким волненьем
Я гляжу на бабушек Арин,
Что боюсь последнего свеченья
Невесомых, легких их седин?

Кто рассудит беды их и горести,
Приголубит щедростью речей,
Успокоит окающей повестью
О забавах юности своей?

Что бы там ни плавили реакторы,
Сколько б ни гудело проводов,
Очень нужно, чтобы руки дряхлые
Путали шерстинки узелков.

А когда почувствуем, что плохо нам,
Измотает неизбывный жар,—
Что нас лечит? Бабушкины оханья
И старинный липовый отвар.

В дни всеобщей спешки, одержимости
И нехватки задушевных слов,
Бабушки Арины, не спешите же
Уходить от внуков и сынов.

НА БОЕВЫХ ПОЗИЦИЯХ

С Михаилом Андриасовым я встретился на фронте, при освобождении Крыма. Мы были у крымских партизан, видели трагедию Старого Крыма, жителей которого от полного уничтожения отступавшими эсэсовцами спасла штурмовая атака партизан соединения Кузнецова, взявших город еще до подхода авангардных частей Отдельной Приморской армии.

Андриасов был специальным военным корреспондентом «Комсомольской правды». Живой характер, энергия и впечатлительность помогали ему и тогда быть внимательным к жизни и людям, писать достоверно, ясно и точно. В нем трогала сыновняя любовь к своему народу, сердечное отношение к товарищам.

М. Андриасов родился на Дону, в Миллерове. Уже в 17 лет начинается его профессиональная журналистская деятельность. Рабочая закалка, полученная на Туапсинском нефтеперегонном заводе, где щуплому мальчишке пришлось покочегарить у печей и где он вступил в комсомол, а позже — участие в борьбе с кулацким саботажем на Сальщине и Кубани содействовали тому, что у Андриасова отточилось не только перо, но и мысль, укрепилась раз и навсегда идейная убежденность.

В его книгах «Господствующая высота», «Легенда о золотом коне», «Сын солдата» и других привлекает вдумчивое, по-хорошему пристрастное отношение к своим героям, к жизни. Пишет ли он о трудовых или боевых подвигах советских людей — Андриасов прежде всего ищет и утверждает в человеке высокие нравственные качества, героизм, мужество, и это позволяет ему в своих повестях, рассказах, очерках, многие из которых строго достоверны, быть не простым регистратором, а страстным рассказчиком-исследователем. Книги писателя давно полюбились читателям.

Хорошо памятны повести М. Андриасова «Штурм ледяного вала» — о подвиге тринадцати гвардейцев у ставшего легендарным донского разъезда Красновка — и «Шесть дней», где рассказано о бойцах отдельного стрелкового батальона старшего лейтенанта Гукаса Мадояна. Воины этого прославленного батальона первыми ворвались 8 февраля 1943 года в Ростов, внезапным ударом захватили привокзальный район и под непрерывными атаками шесть дней и ночей, находясь во вражеском окружении, героически удерживали захваченный плацдарм. За выдающийся подвиг Гукас Мадоян удостоен высокого звания Героя Советского Союза, и ныне он почетный гражданин Ростова. Интересно написанная, волнующая повесть «Шесть дней» выдержала в нашей стране двенадцать изданий, переводилась на языки народов наших республик и выходила за рубежом.

Многие годы Михаил Андриасов посвятил жизни и творчеству своего великого земляка — Михаила Александровича Шолохова. В книгах «Сын тихого Дона», «На шолоховской земле», «На вёшенской волне» предстает живой облик создателя «Тихого Дона», выписанный М. Андриасовым с любовью и глубоким пониманием творчества выдающегося писателя.

Михаил Андриасов полон новых замыслов. Сил у него много, здоровье кавказское, натиск донской, казачий. Пожелаем ему новых творческих поисков, новых книг о жизни народной.

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

ЯВАН

Л. КОРОБОВА, Д. ДИЕВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Путникам, отправляющимся в Яван, советовали: «Не запасайся хлебом — запасайся водой»... Ее сюда привозили с гор в бурдюках. Солнце — этот неиссякаемый источник жизни — здесь было убийцей, оно сжигало траву, окрашивая ее в желто-серый цвет. Лишь ранней весной, с первыми дождями, земля яванская ликовала, светлела лицом, засыпала склоны и саму долину тюльпанами и маками. Была тут единственная речушка, да и та летом высыхала.

Так выглядела эта безводная земля несколько лет назад, когда в Таджикистане только приступили к освоению Яванской долины. В первой строительной организации, которой руководил Ян Вассерблай, было триста рабочих и инженеров. Ныне это управление стало одним из крупнейших трестов в республике — орденоносным «Яванводстроем»: более четырех тысяч строителей.

В мае 1968 года на яванские земли пришла вахшская вода, пришла через туннель, пробитый в горах, сначала в магистральный канал, а из него по двум веткам растеклась по всей долине. К приему воды «Яванводстрой» подготовил первые десять тысяч гектаров земли, и осенью отсюда отправили на приемный пункт в Орджоникидзеабад первый обоз хлопка — 600 тонн. Из 40 тысяч гектаров теперь уже освоено 36 тысяч. В степи появились совхозы, зеленые поля хлопчатника, малахитовые шпалеры виноградников. Останавливаемся у дюкеров — крупных металлических сооружений, по которым течет вода. Протяженность некоторых из них почти километр. Ян Вассерблай рассказывает:

— В практике среднеазиатского гидротехнического строительства мы впервые сделали закрытой всю оросительную сеть — тысячу триста километров! Вода уже не теряется на испарение...

Слова его прерывает рев бульдозеров и скреперов — это «строятся» поля нового совхоза имени Ильича. Здесь применена еще одна новинка: инженер А. Березнер, ветеран освоения Яванской степи, предложил пропитать асбестоцемент специальным раствором, и теперь вместо дорогих керамических труб тут проложили асбестоцементные. Вот уже несколько лет они верно служат людям Явана — никаких признаков разрушения!

Около двух тысяч километров закрытых и открытых каналов прорезали яванскую землю. Она дала государству 250 тысяч тонн хлопка. Средства, затраченные на ирригационное строительство, полностью окупились. Осталось освоить последние четыре тысячи гектаров — Кайнарский и Северный массивы. Здесь обводняются пастбища, прокладываются к ним дороги, электролинии.

...Совхоз «Яван-2» появился на карте республики совсем недавно, а уже славится урожаями хлопка.

В отделении, которым управляет Канди Джураев, собирают с гектара по 30—40 центнеров. Комсомольско-молодежная бригада Б. Файзовой, депутата Верховного Совета Таджикской ССР, лучшая в совхозе. Здесь все девушки — вчерашние выпускницы школ-десятилеток. Канди Джураев высокий, сутуловатый, лет ему на вид не менее пятидесяти. Он из тех людей, которые больше молчат, а коли взялись за дело, то отдаются ему без остатка. И ночью Джураев не ленится обходить поля, проверять, не слишком ли сильную струю воды пустили в бороздки...

Маленького, быстрого Раджаба Мирзоева по старой памяти называют в совхозе ездовым — еще совсем недавно он ездил за пятьдесят километров в соседний район на арбе за водой. А теперь водит по совхозным полям машину. Раджаб привел нас к 84-летнему Туре Гулонову. Старик долго не замечал гостей, увлеченный своей работой — занимался очисткой арыка. И только когда Раджаб почтительно окликнул его, он поднял голову, взглянул в нашу сторону и приветливо улыбнулся: гости! Гулонов родом из высокогорного кишлака Кальфисабад. Он первым спустился в долину со своим другом 75-летним Саидовым. Пример стариков заразителен, и вот уже все жители двадцати кишлаков, лежащих у вершин хребта Кара-Тау, пришли в Яванскую долину. Тура Гулонов рассказывал нам о былом, вспомнил, как единственный родник Ойгул питал целый кишлак, а воды в нем было так мало, что жители по графику дежурили ночами, собирая в кувшины и бурдюки драгоценные капли. Так было. А сегодня на Октябрьской улице в Яване цветут алые и белые розы. На окраине районного центра поднялись светлые четырехэтажные дома, вокруг много деревьев, цветов. Это — начало большого города. Здесь будут жить сто тысяч человек.

...Покидая Яван, мы долго стояли на перевале. В тишине потрескивала линия высоковольтных передач, идущая из Нурека к долине. Долина просматривалась на десятки километров. Вдали поднимались корпуса электрохимического комбината, заводов железобетонных конструкций и ремонтно-механического. Блестела стальная лента строящейся железной дороги Яван — Термез.

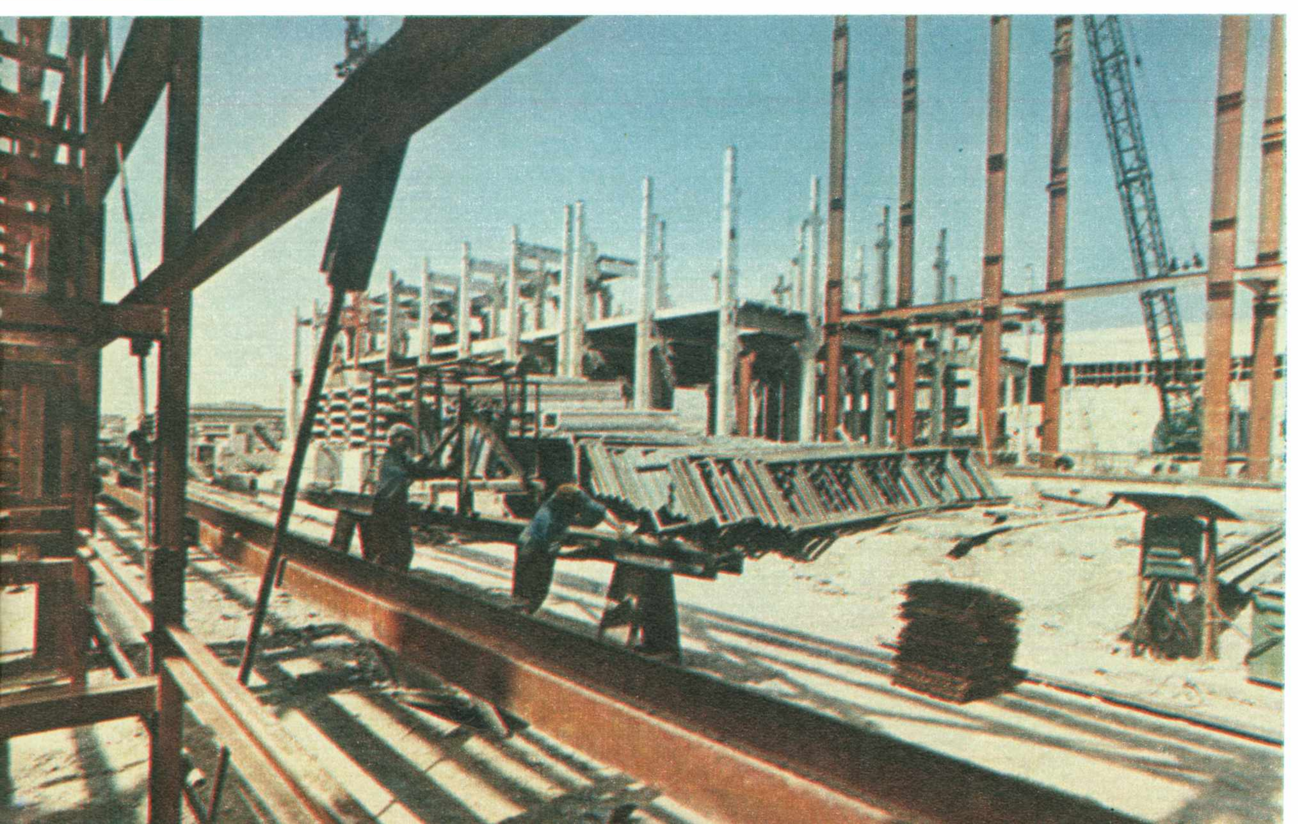
В долину пришла новая жизнь и принесла новые краски, новые пейзажи. И что всего важнее — новые отношения людей. Впереди у яванских строителей большие дела: предстоит освоение Дангаринской долины. Это тоже здесь, в Таджикистане, где пока лежат в бездействии многие десятки тысяч гектаров пустующих земель.

•

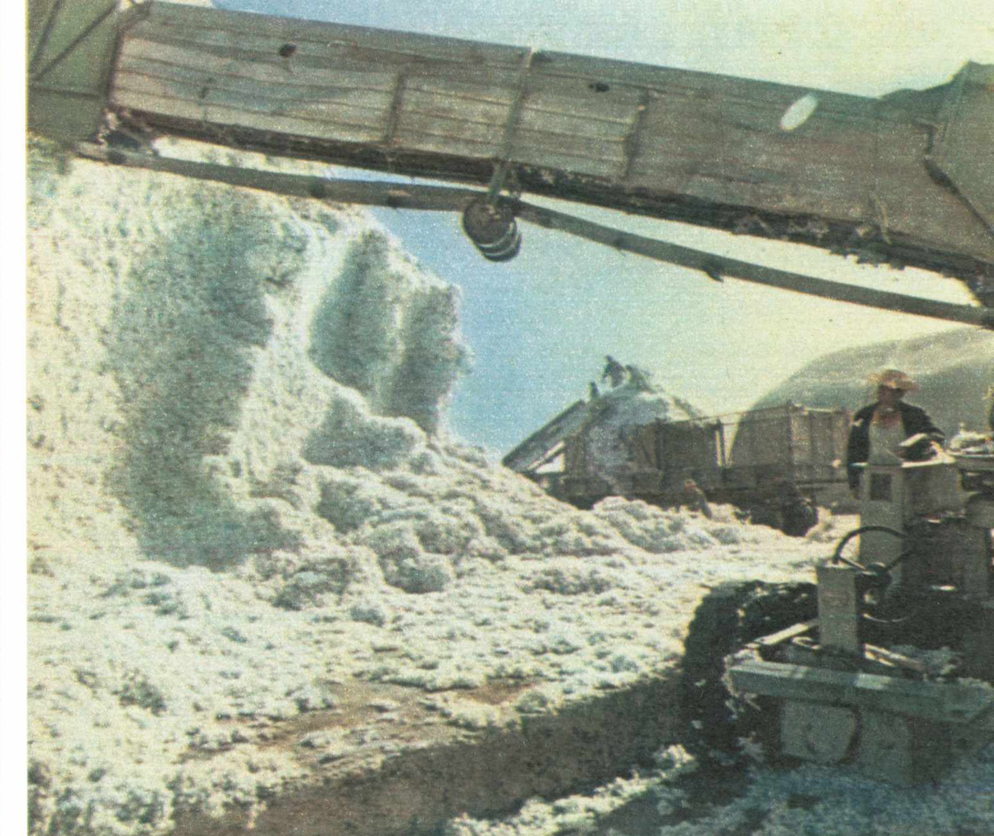
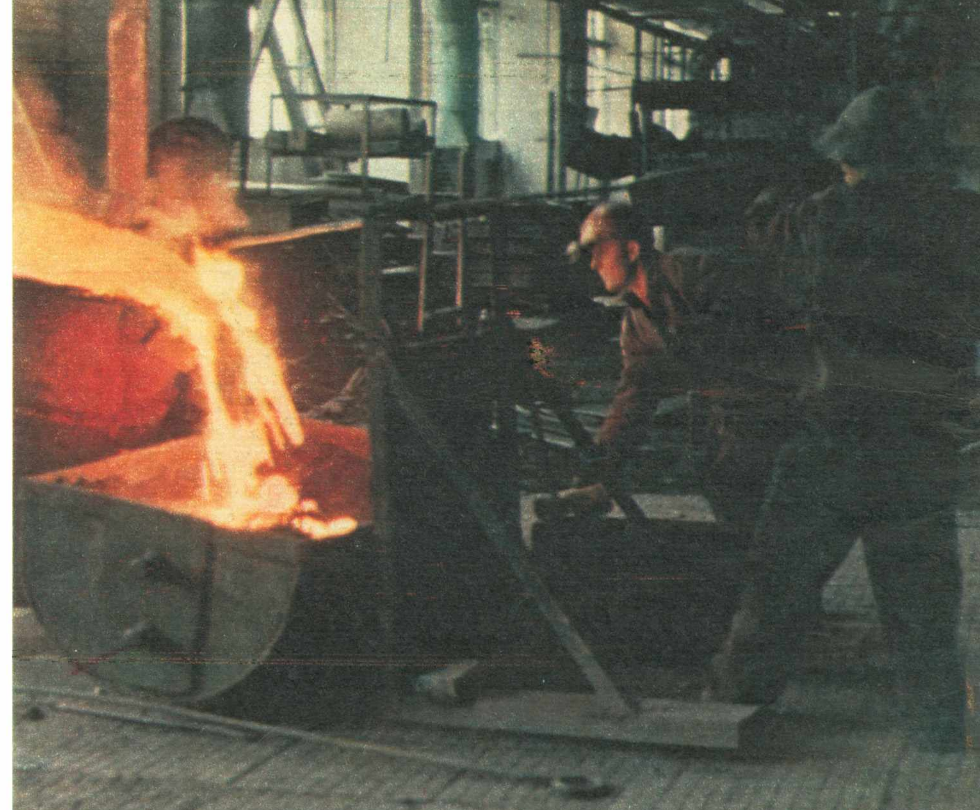
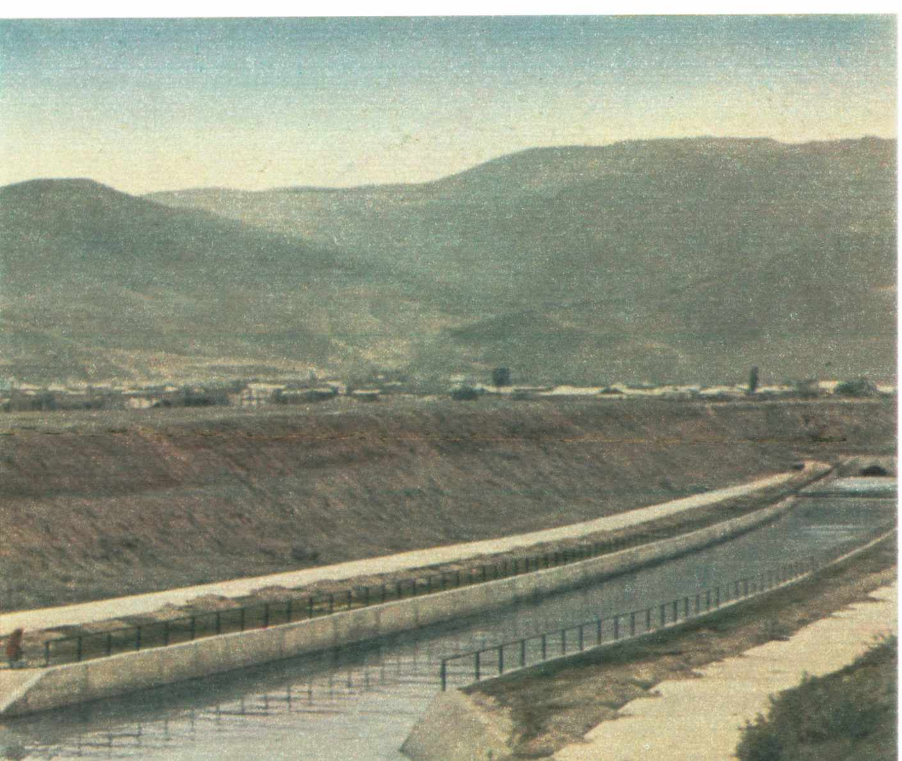
Таджинисон Худойбердыева — секретарь Яванского райкома комсомола.
Начало будущего города.
В книжном магазине нового микрорайона.
Распаханная целина.
Строится крупнейший в Средней Азии электрохимический комбинат.
Юные хлопкоробы.

ДОМ БЕЗ КЛЮЧА

Ал. АЗАРОВ,
Вл. КУДРЯВЦЕВ

Рисунки И. УШАКОВА.

РОМАН

ВТОРАЯ КНИГА

20. Февраль, 1944. Париж, площадь Бастилии.

Жак-Анри назначил Технику свидание на площади Бастилии, у спуска в метро. Здесь, на скрещении 1-й, 5-й и 8-й линий, всегда многолюдно. Парижане стекаются сюда, словно призываемые боевым рожком, стоят на площади, молча смотрят на темный булыжный квадрат, выложенный там, где некогда нависала над каштанами разрушенная тюрьма...

Парижане не любят ездить. У каждого района свой центр, своя жизнь и свои интересы. Но площадь Бастилии привлекает к себе даже жителей Исси-ле-Мулино, Клиши и Невиля... Что зовет их? Тоска или страсть? Тоска по дням, когда форт Роменвиль был символом победы, а не полигоном смерти и под сводами Национального собрания звучали речи Манделя и Эррио, а не команды офицеров Штюльпнагеля?.. Но только ли память ведет на площадь Бастилии? Или страсть тоже?.. Завтра многие из тех, кто сегодня стоит здесь, вбирая в себя и этот воздух, словно бы пахнущий порохом 14 июля, и темный булыжник на месте взорванной тюрьмы, и каштаны, посаженные, быть может, еще коммунарами,— з а в т р а они лишатся неповторимой возможности дышать, видеть, ощущать... Площадь Бастилии — площадь прощания и размышлений. Сюда приходят и те, кто будет клеить листовки, стрелять в патрулей, сидеть за подпольными передатчиками...

— Слушай, дружище,— говорит Техник тихо и доверчиво смотрит на Жака-Анри.— Пойдем отсюда, или я черт знает что натворю!.. Подумать только: мы руками разнесли по кусочку Бастилию, первыми — слышишь, первыми! — вот такими буквищами написали «Свобода. Равенство. Братство», и все для чего? Чтобы Даладье зарезал республику, а дегенерат с черной соплей под носом превратил Францию в бордель для солдатни?

— Не так...

— А как?.. Ладно, не надо. Я и сам не знаю, что на меня нашло. Извини, дружище.

Не сговариваясь, они идут к Венсенской заставе, вдоль серых домов с потеками копоти, тянущимися от карнизов. Это дома бедноты, угрюмые и нищие, истлевающие на глазах. Здесь и в довоенные годы было безлюдно, а сейчас улица, точно канал на Марсе,— жизнь покинула ее, забилась в камеры, недоступные пришельцам.

— Я был на вокзале у Гастона,— говорит Техник.— Он привез кое-что из Берлина, от тех... В последний раз.

— Он нашел замену?

— Есть один паренек, он, кажется, мог бы, но в паре с ним ездит настоящая сволочь. Гастон уверен, что он стучит в полицию.

— Когда Гастона переведут?

— Со следующей недели. Женевский экспресс — это встало ему в копеечку!

— На таких вещах не экономят.

— Знаю, дружище, но все-таки противно думать, что наши деньги идут подлецам. Гастон говорил, что у того типа из службы движения хватило наглости дважды пересчитать бумажки: все боялся, что ему недодадут.

— Как вы условились?

— Встречаться не будем. Все, что привезет из Женевы, будет оставлять на вокзале, в цоколе третьего фонаря.

— Ты мудрый муж,— говорит Жак-Анри серьезно, улыбаясь одними глазами.— Придет день, и ты станешь советником или даже мэром и будешь носить трехцветный шарф...

— По пузу? Ну нет! Я не тщеславен!

С Техником не соскучишься. Он никогда не унывает и быстр, как Фигаро. Одна беда: настоящая выпивка начинается у него там, где у большинства стоит предельная отметка. Жак-Анри воюет с ним из-за этого, и довольно успешно: с самого лета Техник не заглядывает в бутылку... Был, правда, день, когда Жак-Анри едва привел его в себя,— день смерти Жюля...

Техник вызвал Жака-Анри на явку ночью. Они заперлись в задней комнате кабачка, и все казалось, что перно не крепче воды. Техник говорил, и слова не оставляли надежд. Жак-Анри смотрел на бутылку и видел павильон, кусты, Жюля и перевесившегося через высокий порог радиста... Техник плакал.

— Какой был парень! Ах, какой был парень!..

— Перестань,— крикнул Жак-Анри.

Он не умел кричать, и вышло странно для него самого. На голос прибежал хозяин, приложил ладонь к губам: «Тише! На улицах — патрули...»

— А мне н..! — бешено сказал Техник.— Хочешь, я выйду и перестреляю их всех? Говори, хочешь?!

Техник пытался встать и рвал из кармана зацепившийся за подкладку пистолет. Жак-Анри ударил его по руке, отобрал маузер. Налил еще.

— Не хочу! — сказал Техник.— Пусти меня, я их всех, всех...

Жак-Анри уложил его на антресолях, спустился вниз, отыскал бутылку. Плакать он не мог — наверно, разучился. Он знал, что его считают сухарем, счетоводом от разведки, и сам думал о себе, что, видимо, где-то утратил многое из того, что получил от матери и отца при рождении. С ума сойти можно: перед глазами — лицо Жюля, а мозг, точно арифмометр, рассчитывает последствия и дает оценки!

Пустота одиночества пришла позднее — утром, когда Жак-Анри мысленно перечеркнул квартиру на рю ль'Ординер, подобрал подходящее аварийное помещение, прикинул, какую работу подыщет, уйдя из антикварной лавки. Тогда-то и пришло ощущение потери, совершенно невозместимой. В бутылке было достаточно перно, но Жак-Анри попросил кофе и пил его, помогая сердцу перебороть очередной приступ.

После этой ночи и приступа ноги Жака-Анри ослабели, и он завел трость, но к врачу не пошел. Он предвидел диагноз и применил к себе правила бухгалтерии, которыми пользовался в работе. В итоге вышло, что Центр на три месяца, как минимум, выбьется из режима, подыскивая человека для Парижа, а это так нерентабельно, что дальше некуда!

Хлопот было много, и Жак-Анри ушел в них — наладил по-новому связи, переехал подальше от 18-го района, на деловой основе организовал взаимоотношения с мужем мадам де Тур — словоохотливым Бернгардтом.

Копии радиограмм Центру, в вводной части которых Бернгардт упоминался как «источник», произвели на того потрясающее впечатление. Они поладили, договорившись, где и как Бернгардт будет оставлять информацию.

Жак-Анри останавливается и присаживается на рукоять трости.

— Ты слишком быстр для меня, старина! Пока мы одни, давай-ка сигареты...

В пачке — три помятых «галуаз»: три радиограммы от Центра, полученные с утренним радиообменом. Жак-Анри заменяет их тремя другими и возвращает Технику пачку.

— Тебе не трудно развозить?

— Я не инвалид.

— Но надо же и спать иногда. Сколько тебе лет?

— Скоро тридцать. Совсем старик!

«А мне скоро... Стоп! Сколько же мне будет?» Жак-Анри про себя посмеивается: трудно ли забыть, когда ты родился, если в каждом новом паспорте стоит иная дата?

— Извини,— говорит Жак-Анри.— Я прослушал...

— Мой сменщик наколол штаб Рейнике.

— Это интересно.

— Да нет, ничего важного. Гаузнер звонил по городскому на Кэ д'Орфевр и устроил префекту головомойку из-за справки на какого-то Луи Андрэ.

Жак-Анри едва не роняет трость.

— Ты уверен — Луи Андрэ?

— Запоминается легче, чем Навуходоносор. Ты его знаешь?

— Нет,— говорит Жак-Анри.

Техник разочарован.

— Больше ничего нового... Там редко пользуются городским. Слышал последний анекдот? Стоят двое в Булонском лесу и видят, как из ворот выводят верблюда. «Посмотри, Жак,— говорит один другому.— Бедная лошадь, что с ней сделали в гестапо». Здорово смешно!

— До слез,— сухо говорит Жак-Анри.

Луи Андрэ — это радист, арестованный в облаве. Зачем Гаузнеру понадобились сведения о нем? Неужели гестапо опять нащупало что-нибудь? Радиоквартиры Луи давно заморожены, но он, к несчастью, знает о том, что представляла собой АВС...

— Давай прощаться, старина,— говорит Жак-Анри.— Мне налево.

— Значит, мне направо. Для Гастона нет поручений?

— Пусть сначала поездит и осмотрится. Попроси его запомнить все, что относится к пограничному и таможенному контролю.

Жак-Анри поворачивается и идет назад — мимо все тех же серых домов, изуродованных потеками копоти. Еще рано, но ставни на окнах закрыты; подъезды заперты; над улицей, щекоча ноздри, стелется едкий запах чадящих коксовых брикетов. Здешние обитатели слишком бедны, чтобы покупать дефицитный

Продолжение. См. «Огонек» №№ 24—27, 29—30.

Они родились в Яване.
Отсюда приходит вода в долину.
Яванский хлопок.
Разлив стали на ремонтно-механическом заводе.
У дюкера Иш-Масай.

рурский антрацит. Оттого улица засеяна скрипящей под подошвами бурой крупой — ее вместе с нагретым воздухом и дымом выбрасывают узкие трубы; вот и хрустишь, как по снегу,— скрип-скрип, скрип-скрип...

Площадь Бастилии... Жак-Анри задерживается на ней прежде, чем спуститься в шахту метро. Невидимый боевой рожок трубит у него в ушах.

21. Февраль, 1944. Париж, Булонский лес.

— Три часа мы с вами толкуем об одном и том же. Три часа вы пичкаете меня сказками и думаете, что это остроумно! Ну, ладно. Значит, вы гуляли, дышали воздухом и вдруг увидели ее. И сразу же очаровались?

— Она лежала на газоне. На старом газоне — там был такой стожок.

— Вы бросились к ней и прижали к груди... А час спустя угодили в облаву. Все правильно?

— Меньше чем через час...

— Ну это детали. Вы знакомы с этой штукой?.. Идите-ка ближе и посмотрите на нее. Вам она знакома, не правда ли?

— Где-то видел... Ах да, в школе. На уроках физики.

— Это ключ Морзе, господин Андрэ!

Их пятеро в комнате — Рейнике, Гаузнер, Шустер, Мейснер и Луи Андрэ — единственный, кому не надо напрягаться, подыскивая слова. Французский язык Гаузнера — ограниченный запас и школьная лексика; каждую остроту он сначала мысленно переводит с немецкого, и уже устал, и жалеет, что отказался от переводчика.

Скомканным платком Гаузнер вытирает лысину и, шевеля губами, выстраивает новый вопрос. Как это будет по-французски «чистосердечие»: «бонне фуа» или иначе?.. Да, «бонне фуа».

— На чистосердечие не надо рассчитывать, господин Андрэ?

— Но я же не вру!

— Хорошо. Что касается гранаты, то бог с ней, согласен, что вы нашли ее на газоне, хотя в траве уместнее быть цветам. А с ключом Морзе вам не доводилось обращаться?

— В первый раз...

— Подумайте, Андрэ! — нехотя вставляет Рейнике, раскатывая в ладонях сигару.

Обритая голова Андрэ — вся в буграх и ложбинах — непрерывно дергается: лагерный уполномоченный СД перестарался и раньше времени пропустил радиста через третью степень. Для контраста в Булонском лесу Луи Андрэ переодели, отмыли в ванне и поместили в камеру с большим окном и чистым бельем на койке.

Рейнике вставляет сигару в костяной мундштук и, шелестя манжетой, встряхивает коробок со спичками. Мейснер щелкает зажигалкой, заставив бригаденфюрера вспомнить пословицу о постреле, который везде поспевает.

— Вы же не курите,— говорит Рейнике и добавляет, адресуясь к Шустеру: — Курите, майор! Боюсь, дело затянется. Этот упрямец явно не понимает, что гестапо не стало бы тратить три месяца на его поиски по концлагерям, если бы не имело оснований видеть в нем серьезного фигуранта.

Он говорит по-французски, щеголяя произношением,— учитель мэтр Трюдо недаром берет свои триста франков в час. Это дорого даже для Парижа, где цены взвинчены до небес, но Рейнике для двух случаев делает исключение — мэтр Трюдо и гадалка мадам д'Юферье... Вчера он вернулся от мадам расстроенный и смятенный. Астрологические книги сулили беду. Прорицательница рылась в изъязвленных плесенью томах, переплетенных в кожу; бронзовые застежки с головами грифонов мерцали в полутьме таинственно и жутко. Черный кот Мефистофель ленивой лапой трогал грифонов.

Ночью Рейнике приснились кот с цветными глазами и раскаленные, изрыгающие пламя пасти. Утро — свет и тепло — вернули ему самообладание, а ранний звонок шефа абвера Райле создал равновесие, словно бы лег на чашечку весов и поднял стрелку настроения. «Итак, я привезу вам своего нового знакомого,— сказал, заканчивая, Райле.— Во второй половине дня удобно?»

...Сигара никак не хочет раскуриваться, и Рейнике, отложив ее в пепельницу, повторяет:

— Подумайте, Андрэ!

— Смелее! — говорит Гаузнер и поощряюще улыбается.— Искренность никогда не вредила. Посмотри-ка на эту фотографию. Знаешь его?

— Н-нет... А кто это?

— Это же твой друг Жюль! Позвать его?

— Не знаю Жюля...

— Ну вот, не знаешь, а рука дрожит. Зря ты это затеял, дружок. Нас тебе не переиграть.

— С чего вы взяли?!

— Не петушись. Тон, осанка, глаза — не хватает дыма из ноздрей и пламени изо рта! Смотри сюда. Это иголки. Лучшие в мире иголки из Золингена. Вообще-то они предназначены для шитья, но кое-кто в этом доме уверен, что их следует загонять под ногти. Ты, конечно, об этом слышал, но слышать — одно, а попробовать — совсем другое. Протяни руку!

— Не надо...

— Быстро! Не эту... правую. Ты имел дело с ключом Морзе?

— Да нет же...

— Нет? А этот сплющенный большой палец? А мозоль на указательном? Знаешь, откуда она взялась?.. Слушай, Луи Андрэ! Я все нервы себе перепортил, пока отыскал тебя в концлагере. Ты был радистом и знаком не только с Жюлем. Ты влип в скверную историю, паренек! В такую скверную, что и кошмары Гофмана в сравнении с ней — тьфу, ничто!

«Мадам предвещала беду»,— не к месту вспоминает Рейнике и складывает пальцы щепотью... У Луи Андрэ мальчишеский лоб и серые, словно пеплом присыпанные виски; кожа его еще не приобрела той пергаментной желтизны, которая бывает у старых лагерников, она почти нормального цвета, хотя и одрябла на шее. Врач без труда определил бы, что он находится в начальной стадии дистрофии.

— Можно добавить? — произносит Шустер и достает записную книжечку.— Мне кажется, здесь пошел открытый разговор, и я думаю, что будет не лишним освежить в памяти месье Андрэ позывные станций, с которыми он работал. КЛС, КЛМ, КЛЦ. Верно?

— Что скажешь, Андрэ? — подыгрывает Гаузнер.

— Меня оговорили. Я знаю, кто это сделал — Филипп-Удильщик! Он стырил пайку у Зулуса, а свалил на меня! Не верьте Удильщику, он за сантим родную сестру пошлет на панель... Я не радист, дорогие господа, светлым небом и завтрашним днем клянусь вам — я не радист...

Рейнике достает из маленького карманчика новую сигару и разминает ее над ухом — мягкий треск говорит ему, что сигара хорошо просушена. Месяца два назад он дорого бы дал за то, чтобы радист развязал язык, но сейчас показания не имеют особой цены. Гаузнер опоздал со своим подарком.

— Смешно, господа! — говорит Рейнике и встает.— Четыре человека тратят часы, уговаривая паршивца спасти свою жизнь. Мейснер! Засеките время — если через три минуты он не изменит поведения, отправьте его в камеру и проследите, чтоб это была настоящая одиночка, а не спальня с голландскими простынями.

— Ты слышал, Андрэ?

Гаузнер перегибается через стол и карандашом приподнимает подбородок радиста; Шустер с брезгливым видом отворачивается, словно говоря: «Без меня, господа, только без меня». Мейснер снимает с руки браслет с часами. Кладет на стол.

— Смотри сюда, Андрэ! Пятнадцать секунд уже прошло... Двадцать... Двадцать пять...

«Все то же самое,— скучая, думает Рейнике.— Гаузнер-то потеет всерьез, ему кажется, что, расколов радиста, мы приобретем невесть что! А что он может дать? Устаревшие данные о связи? Какие-нибудь адреса... Резидента он наверняка не знает. Никто из радистов не знает — такой уж принцип в этой группе... Но Райле-то, Райле! Принес яичко и — ко Христову дню. Не пожалел. А почему, собственно, не пожалел? Что-то пронюхал или так, на всякий случай?»

— Минута тридцать,— говорит Гаузнер.

Рейнике, стоя у окна, рассматривает часового у входа в особняк — сверху его каска кажется перевернутой ночной вазой, не хватает только ручек.

Не оглядываясь и не повышая голоса, Рейнике произносит, словно для самого себя:

— Дюпле... Дюран... АВС...

— Минута пятнадцать,— вторит Гаузнер.— Ты, кажется, решился, Андрэ? Браво!

«Поздновато»,— думает Рейнике и вычерчивает на запотевшем стекле крест. Поворачивается... Человек — пустотелый волчок; крутится, жужжит, скользит на ровном, пока не споткнется о бугорок, не запнется, чтобы упасть и умолкнуть. Андрэ споткнулся об АВС — никак не ждал, что и это известно! Дюпле — Дюран — АВС. Легран и есть Дюран? Господи, как примитивно и как трудно было, однако, дойти до этой простой мысли.

— Дать тебе бумагу, Андрэ? — говорит Гаузнер.— И что же ты напишешь?

— Что ты свинья и сын свиньи! Что я плюю на тебя! Что... Ох!

Надо сознаться — Мейснер умеет бить. Один удар, и рот Андрэ словно провалился. «Чертовски скучно,— думает Рейнике и смазывает ладонью крест на стекле.— Одно и то же. Всегда одно и то же».

Мейснер по команде Гаузнера выволакивает радиста за дверь. Рейнике щелчком вгоняет в рукав высунувшийся манжет. Говорит:

— Бедновато, Фридрих. Плохие актеры и бездарные декорации. Зрители вроде нас были здесь явно ни к чему. Согласен?

— Не все сразу!

— Верно, не все. Значит, надеешься на завтра? А не отдохнуть ли нам, господа?

— Не понял...

— Сейчас поймешь.

Хорошо, что Гаузнер спокоен. Старая школа — плевки арестованных и ругань отлетают от него, как пуля от танковой брони. Значит, можно говорить коротко, не разжевывая, дав комиссару простор для выводов и догадок.

— Возьми сигару, Фридрих, и слушай. Сейчас сюда приедет Райле. Не один. Он привезет господина по имени Гранжан и по профессии бухгалтера.

— Осведомитель абвера?

— Что ты, Фридрих! Кагуляр!.. Очень идейный господин и истинный патриот — такой искренний, что на тайных собраниях сидит не иначе как во фригийском колпаке!.. Мсье Жюль был его другом, а резидент Центра — шефом по АВС. Фантастические связи, не так ли?

— Чертовщина какая-то!

— В ней надо разобраться. Райле нашел его и дает нам. Пока я знаю одно: Легран из «Эпок» был владельцем конторы АВС и носил имя Дюран, а Жюль представился Гранжану как Дюпле.

— Дадим запросы?

— Разумеется. Ты ими и займешься. Дюпле где-то жил, ел, спал. Дюран — тоже.

— Там, где он был, его уже нет.

— Есть следы. Мне ли тебя учить?

Иногда это нужно — дать своим сотрудникам тихую встрясочку, на полутонах, без грубости. Гаузнер, выйдя на Андрэ, кажется, решил, что сорвал банк, потому и пригласил на допрос бригаденфюрера и готовился, как бурш перед экзаменом: ключ Морзе, фотография Дюпле, даже о мозолях не забыл... Райле, в свою очередь, тоже лезет в фавориты. Гранжан — его «джокер», пятый туз в колоде, а мы чем ударим? Оп: Луи Андрэ — вот наш ход. Уж Шустер — будьте уверены! — доложит в абвере, что радист у нас. Молчит? Не беда. Сегодня заключенный плюет следователю в лицо, а завтра лижет пятки... Словом, выходит, мы квиты, полковник,— Андрэ на Гранжана, ход на ход...

Шустер большими пальцами разглаживает складки под поясом.

— Я откланяюсь, бригаденфюрер? У меня в ремонте три пеленгомашины. Моторы изношены, и аппаратура шалит — слишком много тряски.

«Торопишься к Райле?» — соображает Рейнике, но не находит предлога, под которым можно было бы удержать майора.

— Свободны. Хайль Гитлер!

Шустер по-гусиному вытягивает шею и выходит; шаги его гулко разносятся по пустому коридору — в том крыле, где сидит Гаузнер, нет дорожки. Рейнике прислушивается и, дождавшись тишины, с дружеским укором говорит Гаузнеру, грызущему ноготь:

— Зачем ты вызвал его, Фридрих? Мало нам Мейснера?

— Мало.

— Тогда будь спокоен — Райле сегодня же отрапортует в Берлин, что ты оскандалился с допросом.

— Чего же лучше?

— Дурно шутишь, Фридрих.

— В делах нет места шуткам, бригаденфюрер. Пусть Райле докладывает, а Мейснер дудит с ним в унисон. Этого я и добиваюсь. Помните павильон, бригаденфюрер? Я имею в виду — помните, что мы взяли в нем?

— Ничего особенного.

— Ничего, кроме настенного календаря! Чистенького, без отметок и именно потому показавшегося всем случайной находкой, не связанной с делом. Все тогда сошлись на этом, в том числе и я. А потом я пораскинул мозгами и спросил себя: зачем? Зачем нужно держать в радиоквартире календарь?.. Сейчас он уже не чистенький, а скорее черненький — так долго я его мусолил. И он — будь я проклят! — заговорил. Время восхода и время захода — школьная арифметика, а в итоге — частоты для каждого дня...

— Что? Ты уверен?

Рейнике невольно оглядывается на дверь.

— Уверен,— говорит Гаузнер.— И не только в этом, но еще и в том, что календарь рассказал не все. Надо с ним помудрить. Где частоты, там может оказаться и расписание сеансов... Мало материала, бригаденфюрер; два десятка случайных радиограмм, разрозненных и часто неполных.

— Когда ты прочел календарь?

— Сегодня утром... Совпадение?

— Удача, Фридрих!.. Одно неясно: зачем тебе Шустер?

Складки на лбу Гаузнера тяжело нависают над бровями.

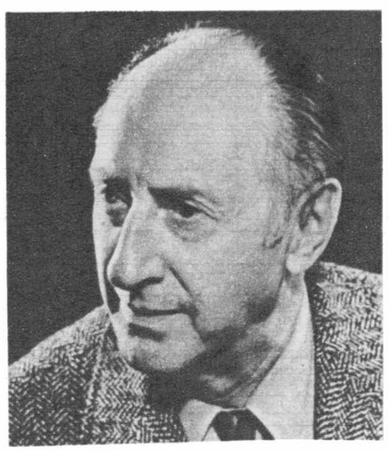
— Факты можно толковать по-разному. Вы поздравили меня с удачей, а Канарис, если передернет, обвинит в государственном преступлении. Что стоит ему изложить историю так: некто Гаузнер и некто Рейнике, люди, близкие Кальтенбруннеру, сводя счеты с абвером, умышленно умолчали о назначении календаря. Два месяца молчали! Беретесь вы, бригаденфюрер, доказать, что решение найдено только сегодня, а не вчера или неделю назад?

— Да, неприятно.

— Куда уж! Сегодня днем я пошлю программу частот на улицу Курсель. Шустер видел радиста и решит, что тот заговорил. Разве не изящно?

Продолжение следует.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БОРИСА ЛАСКИНА

ДОБРЫЙ, ВЕСЕЛЫЙ ДРУГ

Исполнилось 60 лет Борису Савельевичу Ласкину — поэту, драматургу, сценаристу, прозаику.

Юбиляр относится к тем писателям, творчество которых выдержало самый трудный экзамен — испытание временем. Немало произведений Б. Ласкина не только быстро завоевали популярность, но и поныне любимы (как, например, песни «Три танкиста, три веселых друга» из кинофильма «Трактористы» или «Спят курганы темные» из кинофильма «Большая жизнь», написанные почти сорок лет назад), пройдя вместе со страной, народом большой путь.

В грозные и суровые годы Великой Отечественной войны стихи, интермедии, сатирические рассказы Бориса Ласкина заняли почетное место в репертуаре фронтовых эстрадных коллективов, звучали по Всесоюзному радио, с экранов кино.

Веселое дарование Бориса Ласкина, пожалуй, наиболее ярко раскрывается в рассказах, его юмористические сборники (от первого — «Свидание» до последнего — «Лабиринт») лишь на мгновение появляются на книжных прилавках. В чем причина этой популярности? Борис Ласкин (хотя у него в активе и немало сатирических произведений) может служить примером писателя-юмориста, доброго, веселого друга и собеседника. О чем бы Ласкин ни писал—о космонавтах и колхозниках, спортсменах и девушках-летчицах, моряках и артистах, академиках и рабочих,— он любит своих героев, подшучивает над их недостатками, корректирует их поведение острым словом, улыбкой, желает им добра и успехов.

Юмор Ласкина — это юмор хорошего настроения, ироническая усмешка доброго товарища. Герои его произведений уверенно шагают по жизненным дорогам, у них ясная цель, их всегда окружают верные друзья. Поэтому они так щедры на различные розыгрыши, добродушные шутки, поэтому они весело работают, учатся, искренне увлекаются, горячо любят, воспитывают друг друга взаимной «смехотерапией». Даже самым отрицательным своим персонажам (вспомним хотя бы Огурцова из «Карнавальной ночи» — Ласкин был одним из авторов сценария этого фильма) писатель всегда оставляет право на самоисправление.

За годы творческого пути Борис Ласкин сделал много. И самым большим его успехом следует считать то, что он приобрел своего читателя и зрителя, ждущего от Бориса Ласкина новых сценариев, пьес, рассказов, интермедий, песен.

Борис **ПРИВАЛОВ**

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

Новым шагом в освоении космоса явился полет Павла Романовича Поповича и Юрия Петровича Артюхина на борту орбитальной научной станции «Салют-3».

Мы попросили рассказать об отважных космонавтах, об итогах полета начальника Центра подготовки космонавтов дважды Героя Советского Союза генерал-майора авиации ГЕОРГИЯ ТИМОФЕЕВИЧА БЕРЕГОВОГО и его заместителя дважды Героя Советского Союза генерал-майора авиации АНДРИЯНА ГРИГОРЬЕВИЧА НИКОЛАЕВА.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Андриян Григорьевич, вы были вместе с Павлом Романовичем Поповичем в первом Гагаринском отряде, вы впервые совершили групповой космический полет. В эти дни вы, наверное, нередко вспоминаете об этом?

А. Г. Николаев. Конечно, вспоминаю. Двенадцать лет назад это было. Помню радость, когда «Восток-4» приблизился на такое расстояние к моему «Востоку-3», что можно было видеть корабль друга. Мы с Поповичем установили радиосвязь между собой и ретранслировали переговоры на Землю. Это был первый опыт подобной космической связи.

Наша работа имела значение и для нынешнего полета Поповича и Артюхина. Хорошо помню, как Мстислав Всеволодович Келдыш сказал нам тогда, что полет «Востока-3» и «Востока-4» станет первым шагом в решении кардинальной задачи космонавтики — сближения и стыковки космических аппаратов на орбите.

И вот Павел Попович снова в космосе, но уже на орбитальной научной станции. А такие операции, как маневрирование и стыковка кораблей, стали обычным явлением в космонавтике.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Двенадцать лет — срок большой, особенно для нынешнего бурного времени освоения космоса. Многих своих друзей-космонавтов проводил за это время в полеты Павел Романович. А сам? Неужели все двенадцать лет готовился к этому полету?

А. Г. Николаев. Раз побывав в космосе, невозможно не стремиться туда снова. Павел всегда верил, что полетит опять. Новая космическая техника потребовала больших знаний, и, уже будучи известным человеком, Павел снова сел за учебники, поступил в Академию имени Н. Е. Жуковского.

И потекли будни, трудные будни, которые не кончились и тогда, когда Павел Романович завершил академический курс. Они не кончатся для него и после этого полета. Вы знаете старую суворовскую истину, которая у космонавтов звучит по-своему: «Самое трудное не там, наверху, в космосе, а здесь, на Земле, при подготовке к полету». Я уж не говорю о том, что Павел Романович еще и депутат Верховного Совета Украинской ССР, вице-президент центрального правления Советско-австрийского общества, председатель Федерации бокса страны. Сколько все это требует времени, энергии...

Г. Т. Береговой. Мы увлеклись командиром, а о нашем бортинженере Юрии Артюхине, право, тоже есть что рассказать.

Авиацией Юрий «заболел» еще в детстве. Рано пробудившаяся в нем любовь к технике, к «железкам» сыграла решающую роль в выборе дела жизни. Он закончил Военное авиационно-техническое училище, а потом — Академию имени Н. Е. Жуковского, в течение нескольких лет, вплоть до поступления в отряд космонавтов, работал в одной из научно-исследовательских лабораторий академии.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Так что Артюхин в отличие от Поповича пришел в отряд, не будучи профессиональным летчиком?

Г. Т. Береговой. Да, но с подготовкой к космическим полетам началась и его летная практика. Он стал хорошим летчиком, полюбил летное дело. Вообще он к любому делу, за которое берется, относится очень серьезно, с большой ответственностью, будь то служебное или общественное. Вот, например, был он секретарем первичной парторганизации, и при нем коллектив получил звание «Отличное подразделение».

КОРРЕСПОНДЕНТ. Георгий Тимофеевич, вы, помнится, говорили, что космонавт, как и летчик-испытатель, должен обладать особыми психическими качествами, быть, как взведенная пружина, всегда готовым к неожиданностям...

Г. Т. Береговой. Совершенно верно. Попович уже опытный космонавт, но и Юрий Артюхин обладает такими качествами. В нем какая-то скрытая импульсивность. Он способен к быстрому принятию решений на основе опыта и хорошо развитого логического мышления.

Сочетание качеств Артюхина — инженера и Поповича — летчика и космонавта создало гармоничный экипаж орбитальной станции.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Наверное, поэтому вы и провожали в полет своих друзей со спокойной уверенностью?

Г. Т. Береговой. Да, их действия в полете подтвердили, что наша уверенность вполне обоснованна. Все проходило без лишних волнений; это ли не показатель работы экипажа?

КОРРЕСПОНДЕНТ. А что вы, Андриян Григорьевич, скажете по этому поводу?

А. Г. Николаев. Взять хотя бы такую сложную динамическую операцию, как стыковка. Автоматика подводит корабль к станции на расстояние до 100 метров. Дальше все зависит от экипажа. Напряженный момент. В задачу командира и бортинженера входят точное ведение корабля, слежение за множеством контрольных индикаторов. Операции следуют одна за другой — все надо делать быстро и безошибочно. И что ж? Павел доложил: корабль подведен к станции практически по центру, без каких-либо отклонений.

КОРРЕСПОНДЕНТ. А что, интересно, при этом регистрировали медики?

А. Г. Николаев. У меня, к сожалению, нет под рукой журнала с записями. Но я помню, что пульс у обоих поднялся примерно на два десятка ударов в минуту. В момент выхода корабля на орбиту частота пульса была выше обычного на 20—30 ударов в минуту. Психологи по голосам космонавтов оценивают степень утомления, возбуждения, работоспособность. Так вот, психологи утверждают, что во время полета голосовые тона у Павла и Юрия практически не менялись. Оба вели переговоры с нами ровно и спокойно. Правда, если быть совсем точным, то при стыковке голоса их стали сухими, фразы — отрывистыми, за всем этим ощущалось эмоциональное напряжение. Но волнение не отразилось на выполнении стыковки. В этом сказались результаты длительной тренировки и вера в технику.

Дел на борту у космонавтов было много. Приходилось принимать и осмысливать много информации. Причем осмысливать творчески. Это связано с напряженной работой бортовой аппаратуры, и с результатами проводимых на-

---

ЦСУ СООБЩАЕТ:

ТЕМПЫ ЧЕТВЕРТОГО ГОДА ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ ВОЗРОСЛИ — ТАКОВ ГЛАВНЫЙ ИТОГ ВЫПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЛАНА РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 1974 ГОДА.

С каждым месяцем все ближе и ближе финиш пятилетки. Досрочное выполнение плана нынешнего года — один из этапов перед выходом на завершающую прямую. Сообщение ЦСУ всесторонне характеризует состояние дел в нашем народном хозяйстве за первые шесть месяцев 1974 года.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ПОВЫСИЛАСЬ.

Слово и дело у рабочего класса никогда не расходились. На 4,5 миллиарда рублей уже реализовано сверхплановой продукции. Высок и прирост промышленного производства по сравнению с первым полугодием предыдущего года — он уже сейчас составил 8,3 процента при годовом плане 6,8 процента! И что особенно радует: 83 процента прироста продукции получено за счет повышения производительности труда. Возросла и прибыль — на 12 процентов по сравнению с таким же периодом прошлого года.

Все больше и больше производится электроэнергии, газа, угля, стали, проката, стальных труб, минеральных удобрений, синтетических смол и пластмасс, автопокрышек, металлорежущих станков, приборов, средств автоматизации, автомобилей, тракторов, бумаги, цемента...

Все это говорит о техническом совершенствовании и интенсификации производства, о том, что улучшаются технико-экономические показатели отечественного производства.

А на полях колхозов и совхозов началась уборочная страда. Главные итоги в сельском хозяйстве подведет осень. Но и сейчас, в пору июльского солнцестояния, ясно, что земледельцы организованно провели весенне-полевые работы, посеяли больше пшеницы, риса, кукурузы, хлопчатника, сахарной свеклы, чем намечалось. Итак, посевные площади под урожай 1974 года составили 216 миллионов гектаров — на полтора миллиона гектаров больше, чем в прошлом году.

Численность скота и птицы в колхозах и совхозах увеличилась, повысилась и продуктивность.

Важное значение имеет капитальное строительство. Введены основные фонды стоимостью 20,6

Закончился пятнадцатидневный рейс космонавтов П. Р. Поповича и Ю. П. Артюхина на борту орбитальной научной станции «Салют-3». 21 июля в Звездном городке состоялась встреча с космонавтами. На снимке: во время встречи в Звездном городке.

Фото А. Пушкарева (ТАСС).

учных исследований, и с контролем состояния систем станции, с ее маневрами в пространстве.

А бывали случаи, когда экипаж трудился «сверхурочное» время. Так, однажды, когда по графику Павел и Юрий давно должны были спать, мы неожиданно услышали из динамиков: «Заря», я — «Беркут», на связь». Оказывается, космонавты решили уточнить некоторые детали в уже выполненном эксперименте еще раз. Уж очень им хотелось провести интересный научный эксперимент. Но режим нарушать нельзя, и пришлось укладывать их спать. В общем, работа, работа, работа. Земля, разумеется, активно помогала им, выдавая на борт, кроме радиограмм, дополнительную информацию. Часто это выражается сухим кодовым языком — десятки, сотни цифр, и не было случая, чтобы мы услышали, что космонавты что-то не поняли, в чем-то не разобрались — они все принимали, как мы говорим, «с первого предъявления».

КОРРЕСПОНДЕНТ. В общем, при такой работе не до шуток?

А. Г. Николаев. Вы плохо знаете Поповича! Идет, например, вторая неделя полета. Кончается очередной рабочий день. Нам на Земле всем хочется спать, а им наверняка тем более. Спрашивают с Земли «Беркутов» про аппетит. Павел отвечает: «Очередной ящик прикончили (с продуктами). Съели все. Кроме ящика». Тут же им сообщают: «У вас сейчас состоится телевизионный репортаж. Вы будете рассказывать о своем быте на станции. Покажите работу с пылесосом». Слышу в ответ: «Это необходимо для рекламы пылесосов? Ладно, сделаем». Но что касается Юрия, то он и в космосе остался таким же, как был: сдержанным, сосредоточенным, молчаливым. Павел нередко подтрунивал над ним, но Юрия не раскачать.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Позади две недели нелегкого космического труда на станции. Какие результаты работы Павла Поповича и Юрия Артюхина уже сейчас можно отметить?

Г. Т. Береговой. Конечно, полную оценку полета космонавтов можно дать лишь тогда, когда будет обработана вся полученная информация. Сейчас же, опираясь на ту информацию, которую мы имели каждый день в ходе полета, на доклады экипажа, благополучно вернувшегося на Землю, на мнение руководителей полета, можно сказать, что все поставленные задачи космонавты выполнили успешно. Прежде всего следует отметить, что экипаж провел в условиях космического полета испытания усовершенствованных бортовых систем и аппаратуры орбитальной станции, приобрел опыт управления станцией, оценил ее новую внутреннюю компоновку. Мнение Поповича и Артюхина по этим вопросам будет очень ценным для создателей будущих космических лабораторий.

Космонавты уделяли много времени изучению Земли, фотографированию различных районов суши и моря, проводили спектрографирование земной атмосферы. Последний эксперимент имеет большое научное значение, так как позволяет исследовать распределение газовых и аэрозольных компонентов атмосферы в глобальном масштабе. А в наше время, когда все острее встает проблема охраны природной среды планеты, вопросы исследования ее атмосферы очень актуальны.

Регулярно во время полета космонавты занимались физическими упражнениями, проводили электрокардиографическое обследование друг друга, выполнили много медицинских экспериментов.

Оценивая работу Павла Поповича и Юрия Артюхина на борту станции «Салют-3», можно сказать, что по всем трем основным направлениям их программы — техническим испытаниям, научным исследованиям и медицинским экспериментам — получены новые важные результаты, представляющие большое значение для развития космонавтики.

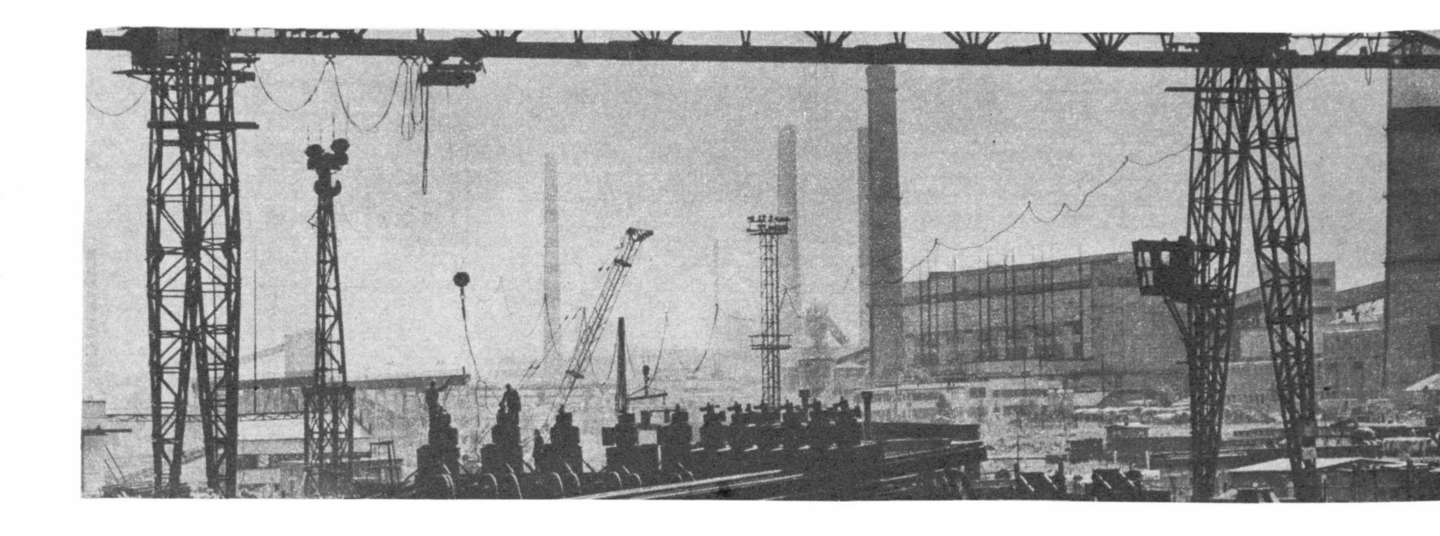
Нам очень приятно сейчас сознавать, что труд многих тысяч людей — специалистов Центра подготовки космонавтов, конструкторов и рабочих, создавших станцию, всех, кто обеспечивал работу в космосе Павла Поповича и Юрия Артюхина,— нашел воплощение в успешном выполнении насыщенной программы полета.

миллиарда рублей, или на 4 процента больше, чем за тот же период прошлого года.

Материальное благосостояние и культурный уровень жизни народа повышаются.

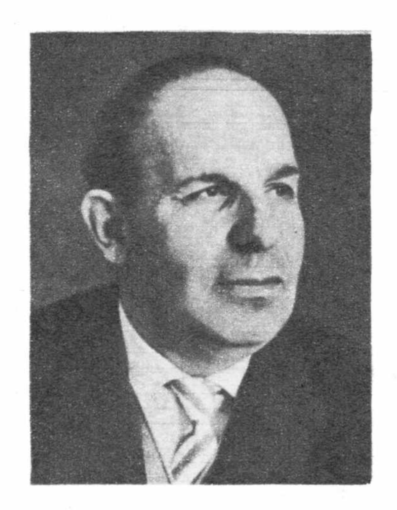
ЦСУ сообщает — на 1 июля 1974 года нас в Советском Союзе стало 252 миллиона!

Четвертый год засучив рукава работает — ему и определить успех пятилетки.

На снимке: строителям Запсиба предстоит сдать в этом году восьмой котел второй очереди ТЭЦ. Монтаж котлов на ТЭЦ Запсиба.

Фото А. Кузярина (ТАСС).

ПАМЯТИ ДРУГА

Умер Мартын Иванович Мержанов, один из старейших советских журналистов.

Большой творческий путь прошел Мартын Иванович, он стоял у истоков советской печати и до последних дней жизни отдавал журналистике, литературному труду все свои силы. Корреспондент ростовских газет «Советский юг», «Молот» и краснодарской газеты «Красное знамя», сотрудник «Рабочей газеты», «Труда» и «Правды», он всегда был на передовых позициях борьбы советского народа за коммунизм. Годы Великой Отечественной войны Мартын Иванович в качестве военного корреспондента провел на фронте, рассказывая читателям «Правды» о боевых буднях Советской Армии, о ее героической борьбе с фашизмом.

За одиннадцать лет работы в «Огоньке» Мартын Иванович Мержанов, являясь заведующим отделом очерка, а затем отделом спорта, многое сделал для журнала и советского спорта. Спортивная журналистика и прежде всего футбольная тема всегда привлекали Мержанова, и, будучи одним из самых глубоких знатоков футбола, он завоевал симпатии многочисленных читателей. Являясь членом редколлегии газеты «Советский спорт», он был одним из создателей популярного еженедельника «Футбол», первым его редактором, автором нескольких прекрасных книг о спорте.

Уже совсем недавно Мартын Иванович написал книгу, получившую широкую известность среди читателей, в которой достоверно, ярко рассказывается о последних днях гитлеризма. Мартын Иванович на семьдесят четвертом году жизни продолжал активно выступать в печати, и смерть застала его за письменным столом.

Многочисленные друзья и товарищи Мартына Ивановича Мержанова сохранят в памяти его светлый образ.

ОГОНЬКОВЦЫ

КРОССВОРД

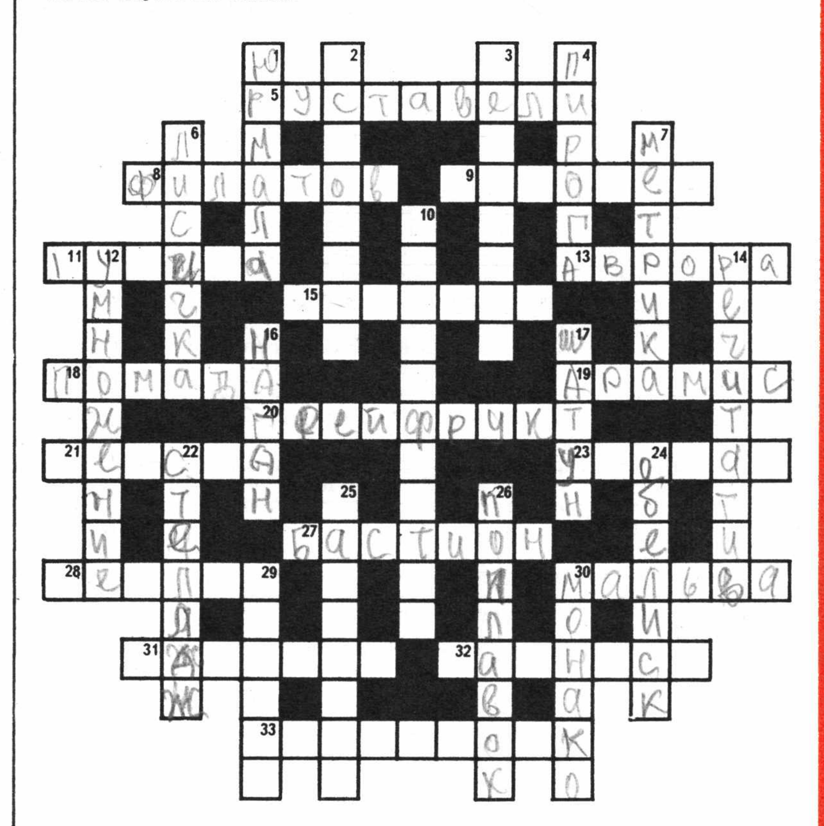
По горизонтали: 5. Грузинский поэт XII века. 8. Советский офтальмолог. 9. Приток Ангары. 11. Пьеса А. Н. Островского. 13. Исторический крейсер. 15. Озеро в США и Канаде. 18. Косметическое средство. 19. Персонаж романа А. Дюма «Три мушкетера». 20. Южное плодовое дерево. 21. Музыкальный интервал. 23. Горный хребет в Забайкалье и Якутской АССР. 27. Крепостное укрепление. 28. Каменная куропатка. 30. Рассказ М. Горького. 31. Действующее лицо оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник». 32. Груз для увеличения осадки судна. 33. Живописный жанр.

По вертикали: 1. Курорт в Латвии. 2. Неточная рифма. 3. Древнегреческий философ. 4. Лодка у индейцев. 6. Гриб. 7. Свидетельство о рождении. 10. Чертежный прибор. 12. Арифметическое действие. 14. Напевная декламация. 16. Огнестрельное оружие. 17. Деталь кривошипного механизма. 22. Ряды полок в несколько ярусов. 24. Памятник. 25. Спутник планеты Юпитер. 26. Часть удочки. 29. Река в Индии. 30. Государство в Европе.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали: 5. Чардаш. 7. Лобзик. 10. «Коновалов». 11. Такса. 13. Астра. 15. Салон. 16. Гарус. 18. Милан. 19. Аккомпанемент. 20. Копра. 21. Санин. 23. Ливия. 25. Нетто. 27. Пешка. 28. Калькутта. 29. Секанс. 30. Анализ.

По вертикали: 1. Бартанг. 2. Гайка. 3. Ботва. 4. Цицерон. 6. Новолазаревская. 8. Анис. 9. План. 12. Сорокопут. 14. Склонение. 17. Стопа. 18. Мимас. 20. Крейсер. 22. Никулин. 23. Лель. 24. Ялта. 26. Окунь. 27. Панно.

На первой странице обложки: Варшава. 19 июля 1974 года.
Фото В. Мусаэльяна и В. Соболева (ТАСС).

На последней странице обложки: Польша. Летнее утро.
Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

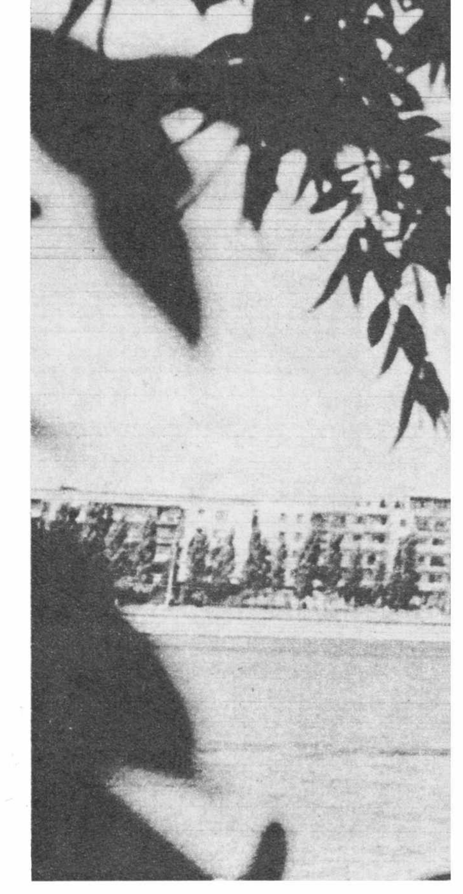
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 8/VII — 74 г. А 00597. Подп. к печ. 23/VII — 74 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1735. Тираж 2 105 000 экз. Заказ № 2457.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Брест сегодня.

СТОИ

Фото Г. КОПОСОВА.

Участник легендарной обороны крепости Марк Герасимович Пискун, директор совхоза «Молотковичи», с внучкой Ирой.

Т НАД БУГОМ ГОРОД

О Брестской крепости написаны книги, есть пьесы, оперы и кинофильмы, картины и песни. Но ничто, пожалуй, не дает такого представления о героизме ее защитников, как музей в центре крепости. Часы, зафиксировавшие для истории время начала войны и начала конца гитлеризма, искореженный пулемет, истлевшая гимнастерка, фотография детей, не проснувшихся в утро 22 июня сорок первого, расплавившийся кусок стены и нацарапанные на кирпичах буквы: «Умираем не срамя...»

За год Брестскую крепость посещает около миллиона экскурсантов. Рабочие и колхозники, ученые и школьники берут тут уроки патриотизма и безмерного человеческого мужества. Молодые солдаты принимают здесь присягу. Зарубежные туристы стараются понять силу духа советских людей, понять, какой ценой добыта наша Победа.

В мирные дни боевую свою славу Брест крепит славой трудовой. До Великой Отечественной войны тут не было крупных фабрик и заводов. Сейчас — более тридцати. Они выпускают электронно-вычислительные машины и ковры, газовые плиты и трикотажные изделия, электролампы и белорусские сувениры.

...Ритм жизни пограничного города лучше всего чувствуется на железнодорожной станции. В сутки через Брест проходят десятки составов. Тракторы и станки, мебель и автомобили, нефть, телевизоры, минеральные удобрения, книги — продукция Советского Союза, стран СЭВа и других государств, торгующих с нами. Идет за рубеж и продукция самого Бреста.

Спешат сюда пассажирские поезда, автобусы и легковые автомашины с туристами из десятков стран мира. Давние дружественные связи у брестчан с Польской Народной Республикой, особенно с Люблинским воеводством — соседом Брестской области. По традиции в Люблине проходят Дни Бреста, а в Бресте — Дни Люблина. Проводятся симпозиумы, встречи молодежи, спортивные состязания, организован обмен производственным опытом и концертными бригадами. Польские студенты участвуют в трудовых семестрах своих брестских друзей, а те формируют студенческие строительные отряды для работы в народной Польше.

День в Бресте насыщен поисками, заботами о завтрашнем. Художники коврового комбината заняты созданием новых рисунков для будущих ковров. Коллектив танцевального ансамбля «Радость» репетирует программу для очередной гастрольной поездки. Строители отделывают дома в недавно появившихся микрорайонах «Восточном» и «Заводском»... Баржи с украинской рудой для Польской Народной Республики и Германской Демократической Республики принял речной порт на Буге.

...Тридцать лет назад взятием Бреста завершилось освобождение Белоруссии от фашистских оккупантов. Тридцать лет республика трудилась, залечивала военные раны, восстанавливала хозяйство, строила новые города, села, фабрики, заводы. Сегодняшние успехи Белоруссии — результат этого тридцатилетнего мирного труда. И есть в том успехе доля и древнего Бреста — города-воина, города-труженика.

А. ЩЕРБАКОВ,
В. ФРЕЙДИН

Опаленные стены крепости помнят лето 1941-го.

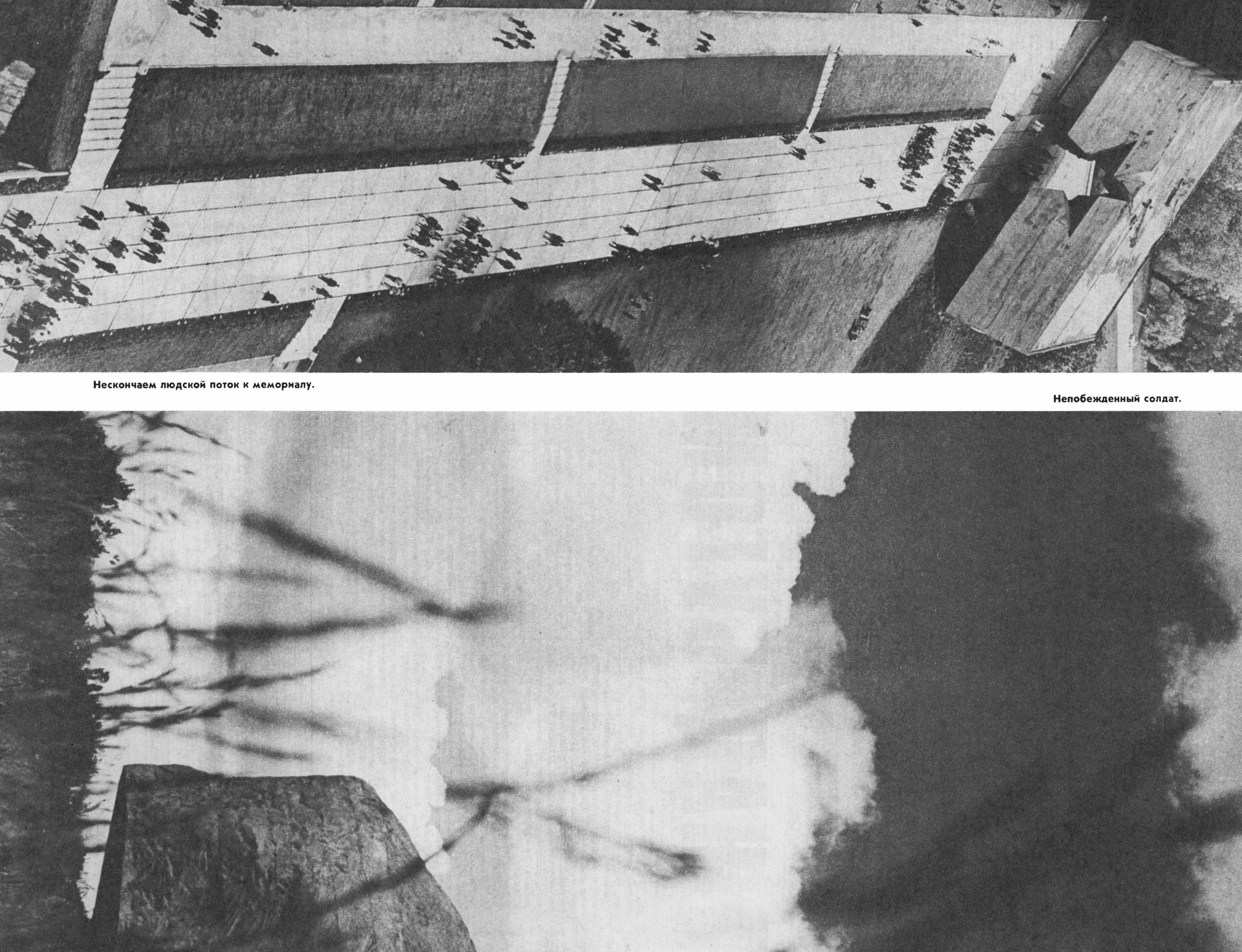

На улице Бреста.

Солдат брестского гарнизона Петр Шуков принимает присягу.

Нескончаем людской поток к мемориалу.

Непобежденный солдат.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663